НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

ГРУППА★АНТИТЕРРОР

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОМАНДА

ЛЮДИ-ТОРПЕДЫ

Максим Анатольевич Шахов

Люди-торпеды

Серия «Команда», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433102
Максим Шахов. Команда. Люди-торпеды: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45080-0

Аннотация

В Швейцарии среди бела дня похищен российский морской офицер-подводник Сергей Редин, приехавший на научный конгресс. Кому и зачем это понадобилось – непонятно, ведь он не знал никаких особых военных секретов, которые могли бы представлять интерес для иностранной разведки. Эту загадку предстоит разрешить Команде – мобильной боевой группе при Президенте России, возглавляемой Германом Талеевым. Поиски приводят спецов к таинственной военной базе на территории Ирана. Команде предстоит не только спасти соотечественника. Гораздо важнее понять, зачем иранцам вдруг понадобились российские моряки…

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	48
Глава 3	60
Глава 4	75
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Максим Шахов
Команда. Люди-торпеды

Пролог

Небольшое кафе – всего полдюжины столиков прямо под открытым небом – привлекло внимание Сергея не своей непосредственной близостью к спокойной в этот час глади Женевского озера, а тем, что в глубине под навесом он еще издали заметил железную жаровню с торчащими наружу изогнутыми рукоятками кофейных «турок».

«Значит, все-таки, по-турецки, или по-восточному, – удовлетворенно подумал Сергей. Без этих прессов, сжатий, процеживаний и продавливаний – всего того, что в изобилии предлагалось в барах и холлах пятизвездочного отеля, в котором остановилась их делегация. Варианты по-венски, итальянские капучино и эспрессо, глясе – он отметал сразу, и, в общем-то, уже смирился, что в благословенной Швейцарии не попробует своего излюбленного напитка. А тут такая случайная удача!

Расположившись за ближайшим к воде столиком и дождавшись, пока неторопливый официант поставил перед ним изящную чашечку с благоухающим напитком, Сергей закурил и начал сосредоточенно размышлять: а не заказать

ли ему рюмку чего-нибудь этакого... Вот только чего? Выглядеть профаном и невеждой в глазах четырех-пяти посетителей и утомленного официанта не хотелось. На ум, кроме избитого кофе с коньяком, ничего не приходило, а как раз коньяк-то Сергей категорически не любил.

Наверно, у него даже на лице отразились эти бесплодные муки «питейного» выбора, потому что поднявшийся из-за соседнего столика элегантный господин средних лет сделал пару шагов по направлению к Сергею, вежливо улыбнулся и что-то пролепетал. Даже не вслушиваясь в произнесенную фразу, Сергей изобразил смущенное непонимание, приправленное виноватой полуулыбкой. Подошедший продолжал что-то любезно излагать, делая плавные жесты руками то в сторону озера, то куда-то себе за спину, даже положил на столик газету и легонько потыкал в нее пальцем, пока, видно, не осознал бесплодность своих попыток установить даже минимальный контакт с чуждой цивилизацией. Тогда он тоже смущенно, по-доброму, улыбнулся, слегка приподнял шляпу и, плавно отступая, удалился к ухоженному газону, где начиналась по-швейцарски до блеска отмытая каменистая тропинка, ведущая вдоль озера. Сергей провожал эту джентльменскую ретираду легкими наклонами головы, стараясь, чтобы затвердевшие мышцы губ не превратили вежливо-разочарованную улыбку в неприличную гримасу.

Впрочем, воспоминания об интеллигентном швейцарце тут же покинули голову Сергея, как только он задумался

о том, как бы расплатиться за кофе. Но усталый официант оказался настоящим профессионалом: на листочке бумаги, появившемся рядом с пустой чашкой, была четко выведена цифра, устраняющая любое непонимание при расчете. Высыпав на листок пригоршню мелочи, Сергей неторопливо поднялся, кивнул куда-то в сторону заведения и почти торжественно удалился, прихватив оставленную швейцарцем газету. Не из любопытства: прочесть ее он все равно бы не смог, а от любви к порядку – выбросить в ближайшую урну.

Завтра рано утром Сергей улетал домой в Москву. Сказка заканчивалась. Самая настоящая сказка. Он – офицер Военно-Морского флота России, действующий капитан 2 ранга, оказался на международном симпозиуме в Лозанне. Кто б его туда пустил-отпустил, будь он хоть адмиралом? Но с международными договорами не поспоришь. Особенно если они приносят его стране многомиллиардные прибыли. А за рубежом глубоко наплевать, какой он военный да какой у него допуск секретности. Важно, что с недавних пор он возглавляет новый отдел в Инспекции по ядерной безопасности, координирующий и контролирующий практически все работы по приему, транспортировке, захоронению и даже, частично, переработке использованного ядерного топлива и еще кое-каких очень дрянных отходов из этих зарубежных стран на территории России. Конечно, начальников над ним более чем достаточно и гражданских специалистов – хоть

пруд пруди, но вряд ли кто-нибудь более обстоятельно мог бы ответить на вполне конкретные вопросы западных коллег о фактическом состоянии дел на этом новом поприще.

Вообще, все иностранные заказчики чрезвычайно любили точный учет вложенных ими средств, а тут еще и колоссальный интерес всяких «зеленых Гринписов» – друзей диких животных и идейных борцов за выживание человечества.

Поэтому наверху решили: пусть выступит с отчетом начальник отдела Редин, ответит на самые каверзные вопросы специалистов и журналистов, а потом уже настоящие участники подпишут соответствующий меморандум, обговорят детали и займутся целым ворохом других, весьма значительных, интересных, привлекательных в финансовом плане проблем.

Симпозиум был многодневным, а Сергею Редину отвели на все про все менее двух суток. Его сольное выступление заняло около часа, и еще полтора – ответы на вопросы. Теперь он был свободен. Билеты на Москву лежали в номере отеля, где проходили совещания, а сам капитан 2 ранга совершал свой первый и последний пеший туристический променад вдоль берега знаменитого озера и по вылизанным, но уютным улицам швейцарского курорта.

«А вот и у вас, господа бюргеры, свои проблемы с подрастающим поколением, – подумал Сергей, заметив на одной из аллеек группу молодых людей на роликах и скейтбордах, которые никак не вписывались ни своими экстравагантными

нарядами, ни громогласной агрессивностью и задиристостью в строгие правила истинно буржуазной благопристойности. – Сейчас еще закурить попросят и в морду дадут».

Он, вероятно, оказался близок к истине, так как в центре группы возникла какая-то свалка, раздались громкие выкрики, даже без перевода очень напоминающие простой русский мат. Это было знакомо и неинтересно, поэтому Сергей свернул на боковую тропку и вскоре оказался уже на неширокой улице с привычными маленькими магазинчиками в первых этажах жилых домов и сувенирными лавками прямо на тротуаре. Редин поискал глазами урну, куда можно было бы выбросить прихваченную им из кафе газету. Наверно, его оглядывания не так истолковал продавец одного из ближайших лотков, потому что, заступив перед Сергеем на тротуар, начал истово рекламировать свой товар.

Вновь Редину пришлось прибегнуть к жестам и мимике, добавив выражение твердого нежелания что-либо приобретать «на память». Впрочем, уличный торговец здесь оказался благовоспитанным и с поклонами, скрестив на груди руки, удалился за свой лоток.

Однако уже через сотню метров, на перекрестке, Сергей вновь столкнулся с гримасами свободного самовыражения: его просто атаковала какая-то молоденькая девчушка в очках, уперев ему в грудь тощенькие кулачки с зажатыми в них листовками зеленого цвета и что-то азартно и сердито проповедуя. Сергей покорно взял прокламации, обошел девчуш-

ку и фургон за ее спиной, весь покрытый рекламными щитами, и свернул на более широкую, многолюдную улицу, ведущую к центру города. Он возвращался в отель. Однако сумел пройти не более пяти-шести шагов: внезапно резко закружилась голова, очертания предметов перед глазами расплылись, ноги в коленях подогнулись, а из разжавшихся рук выпали на мостовую газета и листовки. Сергей успел еще если не увидеть, то почувствовать подхватившую его чужую руку, неудачно попытался что-то сказать, поймал краем сознания ускользающую мысль о чашечке черного кофе и провалился в нее, как в бездонный мрачный колодец...

Глава 1

– Это же какой-то шизоидный бред! – Талеев горячился, нервно расхаживая по кабинету помощника Президента. – Как такое вообще кому-то могло прийти в голову?!

– Ты ведь, Гера, только что ознакомился со всеми документами, – помощник кивнул на папку, лежащую посередине стола. – Наши «органы» опираются сугубо на факты, а тобой сейчас движут лишь эмоции.

– Какие факты?! Единственный неоспоримый момент – это исчезновение среди белого дня в цивилизованной европейской стране нашего соотечественника!

– А конверт с фотографиями и весьма занимательными комментариями к ним, подброшенный на следующее утро в наше консульство?

– Во-во! – еще больше горячился обычно спокойный и выдержанный Талеев, – анонимные доброжелатели, бывшие друзья бывшей страны Советов. Хотя, такой поступок уже говорит по крайней мере о том, какое направление наших мыслей и предполагаемых действий хотят видеть такие «друзья». Но уж больно топорная работа. А вот наши органы, конечно, уцепились за этот конверт, как утопающий за соломинку. Отсюда все их «факты», «улики» и неопровержимые выводы.

Талеев вернулся к столу и взял из папки несколько сним-

ков.

– Кстати, эксперты уже подтвердили их подлинность, – добавил помощник.

Гера ничего не ответил, а продолжал пристально разглядывать отличные по качеству цветные фотографии. Одна из них запечатлела Сергея Редина, сидящего за столиком кафе и беседующего с пожилым господином, другая – факт оставления незнакомцем газеты, еще одна – как Редин эту газету берет и собирается уходить. Комментарии характеризовали собеседника Сергея как атташе по культуре одной заокеанской страны и штатного сотрудника ее же спецслужб. Впрочем, как и еще двух других. Не стоило даже утруждаться: этот факт был прекрасно известен и нашим.

Вот следующий контакт – лоточный торговец: исходя из комментариев , следовало, что он известный проводник в цепочке торговцев наркотиками и живым товаром из стран третьего мира.

Последняя фотография зафиксировала Редина на железнодорожном вокзале около билетной кассы, а приписка поясняла, что здесь объект приобрел билет на ближайший поезд до Берна.

Вообщем, классическая комбинация ухода за бугор по предварительной договоренности предателя и изменника Родины. Под чем с видимым облегчением и удовольствием подписались представители нашей внешней разведки в Швейцарии.

– А куда смотрели швейцарские спецслужбы, которые отвечали за секретность проведения конференции и личную безопасность каждого ее участника? – поинтересовался Талеев.

– Эти сведения пришли чуть позже и не попали в письменный отчет. Дело в том, что их агент, как и положено, последовал за Рединым на прогулку, но возле самого озера недалеко от кафе случайно оказался в центре разборки между группами каких-то местных не то рокеров, не то панков и получил такой удар чем-то тяжелым по голове, что скончался в больнице через несколько часов, не приходя в сознание.

Талеев хмыкнул:

– Вот уж воистину великая случайность!

– Власти Лозанны завели дело и будут искать зачинщиков беспорядков...

– ...До второго пришествия!

Помощник лишь пожал плечами.

– Да я в Сережке Редине больше, чем в себе самом, уверен. В его честности, неподкупности, верности долгу и присяге.

– А зачем, ты думаешь, я тебя вызвал? Чтобы комментировать всякую бредятину? В том-то и дело, что я тоже знаю этого человека еще задолго до событий в Баренцевом море.

Гера удивленно поднял глаза от фотографий.

– Учились мы вместе когда-то... Хотя, к нашему делу это никак не относится. По моему мнению, капитан 2 ранга Ре-

дин в силу специфики своей служебной деятельности оказался на стыке интересов соперничающих группировок в борьбе за большие деньги. Такие большие, что стираются границы между «нашими» и «зарубежными», «белыми» и «красными», а в ход идут абсолютно любые средства... Да. И разобраться с этим можешь только ты со своими ребятами. Так что забирай снимочки, папочку, обмозгуй план первичных мероприятий и часов в... 14 зайди ко мне во всеоружии, господин кремлевский журналист. Я тебе интервью дам.

– Понятно.

– Тогда, вперед!

* * *

О существовании Команды, работающей по личным указаниям Президента и управляемой его помощником, не подозревали даже самые крупные и информированные фигуры в кремлевской администрации и в Правительстве России. Смутные слухи шелестели иногда по коридорам всесильного ведомства на Лубянке, не оставляя, однако, за собой никаких вещественных следов, кроме, разве что, неожиданно удачно разрешенных запутанных проблем в различных областях политики и экономики, и культуры... Причем способы разрешения были далеко не всегда чисты и честны с юридической точки зрения, но всегда эффективны, хотя иногда и смахивали на гангстерские разборки времен американской

Великой депрессии. О таких случаях чистые руки, холодные головы и горячие сердца предпочитали не распространяться.

В Команде практически не существовало служебной иерархии, и постоянный состав ее был до смешного малочисленным. Зато к ее услугам была вся тайная мощь государства, что позволяло в случае необходимости привлекать для проведения отдельных операций любых специалистов самого высочайшего уровня, тайно использовать их и оставаться вне сферы контроля самых въедливых чиновников.

Герман Талеев, он же Герард Усольцев – журналист с университетским образованием, везучий, ироничный, талантливый, полный неиссякаемой кипучей энергии, аккредитованный в официальном Кремле – был одним из непосредственных руководителей этой Команды, ее старожилом и безоговорочным авторитетом во всех решаемых ею вопросах. А статус кремлевского журналиста и особы, приближенной к императору, открывал любые заветные двери.

Сейчас он раз за разом просматривал фотоснимки и печатные страницы, выискивая малейшую зацепку. Что-то тут было не так! Это «что-то» промелькнуло в его сознании несформировавшейся мыслью еще в кабинете помощника Президента. Теперь он не столько вчитывался в текст, знакомый уже наизусть, и не так пристально вглядывался в мелкие детали снимков, как надеялся вернуть себя в то же состояние осознания уже замеченной вскользь неточности...

Кафе, столик, газета. Улица, лоток, опять газета. Пожилой

господин, зазывала-торговец. Вокзал, кассы, вновь газета в руке...

Они хотели, чтобы мы поверили во все это. Они сделали и подбросили фото. Они упирают на газету, как на некий опознавательный знак, пароль. Значит, это на самом деле не так. Значит, дело в чем-то другом. Фу, черт, совсем можно запутаться. Надо быть попроще. Что же все-таки показалось подозрительным? Гера вглядывался в такое знакомое лицо Редина. В общем-то, молодое лицо, а волосы седые. Шрам на левой щеке...

Секундочку! Вот она, особенность! На всех трех «вокзальных» фотографиях не видно лица Сергея. Седые волосы есть, шрам запечатлен, но все вполоборота или вообще почти сзади. Неудачно выбранный фотографом ракурс? Это после-то чуть не десятка полноценных лиц Редина в кафе и на улице?! Даже не смешно.

Что-то еще заинтересовало Талеева. Подойдя к окну, он начал пристально всматриваться в одну конкретную точку на всех вокзальных фотографиях. Потом, порылся, больше для порядка, в ящиках письменного стола, но не нашел самой простой лупы. «Черт», – выругался про себя Гера и схватился за телефонную трубку.

– Ну-ка, Сеня, включай свою аппаратуру на прогрев, я тебе через 10 минут подвезу одну проблемную фотографию, а ты мне ее отсканируешь, отретушируешь и от... В общем, готовься, бабка, к тебе журналист едет!

А заинтересовала Талеева еще одна общая особенность этих трех снимков. Одна точка. В самом прямом смысле. Еле заметная точка на мочке левого уха Редина. Многократно увеличенная на мощном компьютере, приближенная чуть ли не на весь экран, подчищенная, она безусловно выглядела не зарастающим следом от постоянно носимой там серьги!

Запечатленный на фотографии человек был лишь искусно загримирован под Редина. В этом теперь не было сомнений. Как и в том, что Сергей действительно был и в кафе, и на улице. Первые кубики мозаики заняли свои родные места: завлечь Редина на вокзал не получилось, или это даже не пытались сделать, чтобы не сорвать всю операцию. Его похитили где-то между отелем и улицей с торговцем. Всего-то два квартала. А всю игру с фотографиями затеяли, чтобы изначально направить поиски по ложному следу. Вот только мотивация похищения выглядела какой-то малоубедительной.

«Черт с ней, с мотивацией, – решил Талеев, – нам слишком дорого время, чтобы выстраивать безукоризненно полноценные версии, а потом отметать их одну за другой. У нас будет свой, «неправильный» метод: я рвану вперед за любой заманчивой версией, а ребятишки подчистят «хвосты» самостоятельно».

Первой понравившейся идеей оказалась нестареющая народная мудрость: искать надо там, где потерялось.

* * *

В Швейцарию известный российский журналист Герард Усольцев прилетел, чтобы всесторонне осветить проходящий в Лозанне европейский форум по защите прав и свобод ВИЧ-инфицированных и больных гепатитом «С». Состав делегатов форума был чрезвычайно разношерстным, однако не менее дюжины посланцев, прилетевших из самых отдаленных уголков Европы, быстро сконцентрировались в двух-трех фешенебельных отелях Лозанны и даже на частных квартирах, предоставленных разными общественными и благотворительными организациями.

Это была Команда, которая без промедления включилась в работу по всем возможным направлениям. Жестко, зло, напористо.

Вечером того же дня прямо из особняка канадского консульства был похищен атташе по культуре. Охранники и обслуживающий персонал только недоуменно разводили руками, обнаружив в подвале дома выломанную каменную плиту настила и открывшийся за ней лаз старинной городской канализации, давно уже не используемой и заброшенной. По одному из полуразвалившихся тоннелей удалось добраться до вертикального люка, который вывел преследователей через тяжеленную чугунную крышку с отлитым штампом «Лозанна 1881» прямо на одну из старинных улиц города. Здесь

все следы обрывались: вероятно, похитителей на этом месте ожидала машина.

Тревожная для сотрудников консульства ночь завершилась вполне обнадеживающим рассветом: исчезнувший накануне «культуролог» был обнаружен нарядом водной полиции, дрейфующим на угнанной от причалов лодке метрах в пятистах от берега по величавой и покрытой утренним туманом глади Женевского озера. Пикантная особенность состояла в том, что дипломат был не только сам абсолютно голым, но и находился в обществе столь же мало одетой дамы. Оба были абсолютно невменяемы от действия наркотиков и чудовищной дозы алкоголя, принятых ими совместно, о чем убедительно свидетельствовала гора пустых и не очень бутылок в лодке. По картотеке быстро определили даму: это была известная полиции весьма дорогостоящая проститутка по вызову, работающая в фешенебельных районах Лозанны.

Полицейский врач сокрушенно констатировал, что вряд ли они оба смогут хоть что-либо вспомнить о своем приключении, даже когда окончательно придут в себя. Суток через трое-четверо, и это при интенсивном и профессиональном медицинском обслуживании.

В нейрохирургической клинике, куда доставили потерпевшего, прогноз оказался еще менее утешительным: очень велика возможность, что жертва вообще никогда и ничего уже не вспомнит о своей прошлой жизни. Слишком велика была доза принятых весьма специфических галлюциноген-

ных препаратов нервно-психотропного действия.

Вот так. Это уже можно рассматривать, как дружескую помощь от Команды нашим контрразведчикам. Все-таки одним шпионом меньше. Благодарности не надо.

Конечно, дело тут же замяли, несмотря на то, что, кроме целого букета тяжелых наркотиков и крепкого алкоголя, в крови канадца удалось обнаружить следы пентотала натрия – «сыворотки правды». И черт с ней, с правдой, лишь бы лицо не потерять!

* * *

А Герман Талеев, не выспавшийся, но бодрый, подводил первые неутешительные итоги. Атташе по культуре действительно не знал тех двух мужчин, которые несколько дней назад предложили ему сыграть одну совсем необременительную роль эдакого добродушного уроженца Лозанны, демонстрирующего заезжему туристу красоты швейцарской природы. Простенько, коротко, со вкусом. А вот аргументы «работодателей» были очень серьезны. Помимо значительной суммы денег эти господа на ушко сообщили канадцу такие подробности его же взаимодействия с рядом спецслужб весьма враждебных друг другу стран, что бедный двойник готов был и Макбета исполнить и даже цыганочку с выходом.

Несмотря на очевидный обрыв этой ниточки, Гера отметил для себя один момент: люди, обладающие такими сведе-

ниями о разведчиках других стран, скорее всего, не были ни вымогателями, ни террористами, ни какими-нибудь криминальными деятелями даже высокого уровня. Тогда, кто же? Напрашивался очевидный ответ, в который все-таки пока не хотелось верить.

* * *

С лоточником-торговцем обошлись более грубо: без политесов, ненужной траты драгоценного времени и дорогостоящих препаратов – в общем, в соответствии с его «заслугами» в наркобизнесе и в преступной торговле людьми.

Два агента налоговой полиции, предъявив свои служебные удостоверения, прямо с улицы забрали продавца вместе со всем товаром за нарушение элементарных правил торговли и отсутствие каких-то разрешительных бумаг, подписанных городскими властями. Погрузили в служебный минивэн, натянули на голову непроницаемый мешок и вывезли километров за сорок по мало оживленной трассе в развалины какого-то бывшего фермерского хозяйства.

Здесь насмерть перепуганный бандит быстро выложил всю историю своего грехопадения от самой колыбели до позавчерашней продажи крупной партии наркотиков владельцу сети ночных клубов. В таком бизнесе не принято запираться, когда под угрозой оказывается жизнь или здоровье. А в серьезности намерений похитивших его конкурентов

ему не дали возможности усомниться, время от времени стимулируя откровенность беседы самым элементарным мордобоем.

Торговец быстро вспомнил двух иностранцев, молодого человека и девушку, которые за вознаграждение просто попросили разыграть их приятеля. Никаких ссылок на бандитско-криминальное прошлое и настоящее. Случайно подошли, случайно попросили. Дали денег – не откажешь в любезности.

«Как же, «случайно»! Все они знали и выбрали тебя, паскуда, как раз из-за твоей специализации. Как лоха переиграли. Умненькие!» – Гера в полной мере оценил точность выбора и виртуозную простоту исполнения. Ладно, посмотрим, как там дела у наших топтунов.

Накрепко связанного бандита засунули в неглубокий сухой колодец, а кассеты с записью его признательной исповеди отправили в полицейское управление и одному местному наркобарону, наиболее часто упоминаемому в показаниях. Интересно, кто быстрее отреагирует?

* * *

Все это время несколько человек из Команды под видом дорожной полиции и коммунальных служб обходили жилые дома, магазины и всякие заведения на территории последних двух кварталов перед отелем Редина. Они выясняли, не

сдавал ли кто недавно квартиры приезжим, куда могли затащить Сергея; не видел ли кто на улице подозрительно оставленных автомобилей, не оказался ли случайным свидетелем каких-то незначительных ДТП. По сводкам из городской полиции сколько-нибудь серьезных аварий на этом участке в интересующее их время не фиксировалось.

В начале следующего дня эти поиски подарили первый проблеск какой-то надежды. Несколько человек уверенно упомянули рекламный фургон белого цвета, простоявший какое-то время у перекрестка, въехав на тротуар. Даже цитировали на память отдельные рекламные слоганы с его бортов. Что-то о защите бедных животных, любви к ближнему и о собачье-кошачьем корме.

После более настойчивых расспросов одна девушка-продавец из крохотного бутика вспомнила мужчину с приметами Сергея Редина, на которого просто неприлично наскакивала эта крашеная выдра из «защиты бродячих псов». Потом девушку отвлекли настырные покупатели-иностранцы, но она еще долго возмущалась беспардонностью этой эмансипированной потаскушки.

Зато продолжение или, точнее, завершение уличного эпизода увидела другая женщина, жительница первого этажа дома, стоящего на самом перекрестке. Элегантному седому мужчине то ли стало неожиданно плохо, то ли он оступился или поскользнулся на тротуаре. «Знаете, эти туристы столько всякой грязи с собой понавезли, просто ужас! Так вот,

его поддержал другой импозантный мужчина. Не перевелись еще настоящие джентльмены! И помог сесть в авто. Как это какое? Конечно, элегантное большое черное. Да-да, они сразу же отъехали. И белый фургон с плакатами тоже. Такая вопиющая безвкусица!»

* * *

Два плюс два равняется четыре. В момент личного прямого контакта агент вкалывает жертве дозу специального препарата, уже через несколько секунд обездвиживающего и отключающего ее. Дальше подхватили, понесли, посадили, отъехали.

Белый фургон был обнаружен полицией уже через несколько часов на безлюдной окраине. Он был угнан в тот же день с парковки у городской ветеринарной станции. Следов не осталось.

* * *

Конечно, можно поздравить себя с подтверждением версии о подмене Редина на железнодорожном вокзале. Только это не бог весть какое достижение. Талеев практически не сомневался в этом еще в Москве, заметив прокол в мочке уха статиста на фото.

Еще один агент, работавший на вокзале, сообщил, что билет на поезд из Лозанны до Берна был приобретен Сергеем Рединым. Указанный господин благополучно проследовал до конечной станции, где и сошел с поезда. Это уже из беседы непосредственно с проводником вагона.

* * *

В номере отеля Гера задумчиво листал атлас.

– А ты бы лучше глобус купил, – посоветовал лежащий на диване Анатолий, – за это время, если воспользоваться самолетом, можно в любую точку Земли попасть.

– Самолетом, говоришь... Да-да, слишком уж настойчиво нас выводят на поезда. Пароходы тоже отпадают...

– Ага, «оленя лучше».

– ... автомобиль – это палка о двух концах. С одной стороны – центр Европы, сеть шикарных автострад, езжай с комфортом в каком угодно направлении. С другой – в любой момент могут тормознуть и обыскать.

– Да многих ли обыскивают?

– Здесь важна сама возможность. Они не хотят никакого риска. Но даже не это главное.

– Что же тогда?

– Расстояние. Скорость. А тут мы опять упираемся в первопричину похищения. Точнее, в ее отсутствие. Хотя наш главный патрон и связал события со служебной деятельно-

стью Сергея за последний год, но мне лично как-то все меньше в это верится.

– Это ты, Гера, конкретно, ядерные отходы имеешь в виду? – поинтересовался Анатолий. – Ну, то, что Серж координирует работу множества разных подразделений в этом направлении, да?

– Да. Только посмотри, какая картина-то получается. Мы стали предельно открыты последнее время в этом вопросе. Вон, международные симпозиумы за рубежом проводим и посылаем на них выступать еще недавно очень засекреченного руководителя. Знаешь, я еще в Москве прочитал его доклад. Он же там открыто обо всем говорит. Как будем модернизировать производство, тьфу, то бишь, утилизацию эту; где захоранивать, какие центры намереваемся создать и даже где! Контролеров и инспекторов из всех заинтересованных стран к себе приглашаем. Что еще у такого руководителя выведывать можно? А если бы, на что упирал наш патрон, дело в деньгах было, то Редина просто ликвидировали бы, не задумываясь. По крайней мере попытались бы. Так ведь нет же ничего этого! – Талеев даже хлопнул с досадой по толстому атласу.

Толя задумчиво почесал голову:

– А может, мстят за что, а? Серега ведь многим дорогу перешел и кислород перекрыл. Причем, кое-кому и навечно, ха!

– Так опять же, при чем тут похищение? Наши олигархи

или заокеанские спецы занялись бы ликвидацией. Не стали бы огород городить.

Толя лишь обреченно вздохнул:

– Я и сам все это понимаю. Но ничего другого в голову не лезет.

– Может, мыть надо чаще или шампунь сменить?

– На свою лучше посмотри! От непомерных мыслительных усилий шевелюра редеть начала, а толку никакого.

– Ну, какой-никакой, а все-таки есть. Решительно отметаем указанные причины, как не получившие фактического подтверждения, и что имеем?

– Ни-че-го!

– Врешь, подлец! Лукавишь. Имеем самолет!

– Чего-чего?

– Са-мо-лет. Похитили Сергея с неизвестной нам пока целью. Но не банальный выкуп, не ликвидация и не попытка выведать какие-то великие секреты. Это мы установили...

Анатолий с дивана пробурчал что-то подтвердительно-сомневающееся.

– ...В таком случае нужно в максимально короткие сроки переместить объект как можно дальше от места похищения.

– Это азбука.

– Ну, тогда только самолет!

– В принципе, логично...

– Еще как! Кончай бока пролеживать и терять квалификацию! Давай мне все местные аэродромы. И ближайших

окрестностей. Особый упор на коммерческие, частные, мало афишируемые. Не забудь о военных. Действуй через наше представительство. Напомни им кстати, что у нас «красный штрих».

– Да их уже и так известили.

– Лишнее напоминание не вредит, а дисциплинирует, – назидательно произнес Талеев и резко добавил: – Бегом, марш!

Толю как ветром сдуло с дивана: такие распоряжения командира привыкли исполнять мгновенно и беспрекословно.

«Красный штрих» был кодом для всех без исключения государственных организаций, как внутри страны, так и работающих за рубежом; его обладателю нужно было немедленно оказывать максимально возможное содействие без дополнительных согласований, подтверждений и вопросов. Он применялся нечасто и поэтому действовал чрезвычайно эффективно.

* * *

Уже через час перед Герой на столе лежал довольно внушительный список, где, кроме координат аэродромов, были указаны многочисленные характеристики: число взлетно-посадочных полос, их длина, среднесуточная загруженность, примерное количество пользователей, самолетный парк. С военными было посложнее, поэтому Гера отправил

на их разработку отдельную группу из четырех человек.

Для себя лично после внимательного изучения всего списка он отобрал пять аэродромов: два частных, два коммерческих и один государственный, но небольшой и работающий, в основном, по спецзаказам.

Теперь были заняты абсолютно все члены Команды. Как воздух была нужна хоть какая-то зацепка. И она появилась на следующий день, когда предельно уставший Талеев на своей четвертой «точке» – коммерческом аэродроме в 70 километрах к востоку от Лозанны – беседовал с техническим директором.

– Нет-нет, – убежденно настаивал директор, предъявляя для проверки господину инспектору по техническому и противопожарному состоянию всю необходимую документацию на свой объект, – никаких неисправностей! Обе полосы в идеальном состоянии. Это можно немедленно проверить, Каждый самолет тщательно готовится прекрасными специалистами. Мы не можем позволить себе никаких огрехов, ведь господин инспектор знает, что это самый ближайший аэродром к горам; сюда прилетает масса иностранных альпинистов, просто масса! А сколько было таких случаев, когда самолет требовался просто немедленно! Без предупреждений и заказов. У нас всегда есть наготове пара надежных машин для таких непредвиденных обстоятельств. Да вот, кстати, несколько дней назад понадобилось срочно эвакуировать тяжело раненого альпиниста. Разбился при вос-

хождении на Монте-Розу чуть ли не насмерть, такой ужас! Первую помощь ему в местной больнице оказали, привычное для них дело, но посоветовали для окончательного лечения выбрать специализированную клинику с большими возможностями. – Гера ни разу не перебил словоохотливого директора, интуитивно почувствовав в его рассказе что-то важное для себя. – А юноша оказался итальянцем, у него очень богатые родители где-то на юге страны. Весьма неблизко, надо сказать. Но мы без единого слова предоставили самолет, и отважный юноша был спасен!

– А вы сами видели этого альпиниста?

– Нет-нет, его очень быстро прямо на носилках перегрузили в самолет из большой машины, на которой привезли...

– Что это за машина была, медицинская?

Директор недоуменно пожал плечами:

– Нет-нет, обычная машина, черный «Мерседес», как маленький автобус.

– Мини-вэн?

– Да-да, это так называется. Пострадавший весь в свежих бинтах был и без сознания, глаза закрыты. Шок, знаете ли. Даже лицо пострадало, я сам большой шрам заметил у левого глаза.

– Вы так близко подходили к раненому?

– Вообще-то, это не моя прямая обязанность, но я просто посчитал своим долгом... э... засвидетельствовать...

«Любопытен ты, батенька, безгранично, – подумал Гера, –

хорошо еще, что это качество не стоило тебе головы».

– А кто сопровождал раненого? Вы с ними разговаривали?

– Конечно! Проверил документы у всех троих. Двое мужчин и девушка. Все тоже итальянцы, соотечественники. Это даже по сильному акценту заметно. И медицинские справки в порядке.

– Судя по технической документации, которую вы мне любезно представили, все ваши самолеты пригодны для перевозки значительно большего числа пассажиров, чем один тяжелораненый, пусть даже с сопровождением. Кто еще следовал на этом самолете?

– Видите ли, господин инспектор, желающих воспользоваться нашими услугами в любое время года предостаточно. Мы даже принимаем предварительные заявки, как настоящий большой государственный аэропорт! – В голосе технического директора слышалась неприкрытая гордость. – Но, в конечном счете, мы частное предприятие, и вопросы... э... финансирования весьма существенно... э... определяют...

– Понятно-понятно, – перебил Талеев смутившегося швейцарца, – кто больше платит...

Директор часто-часто закивал согласно головой, а вслух произнес:

– Мы безусловно уважаем желания наших наиболее... э... почетных клиентов..., – видя, что господин инспектор вновь готов перебить его, директор скороговоркой закончил, – но

никогда не ущемляем интересы других пассажиров! Им вовсе не пришлось долго ожидать: мы подготовили другой самолет.

– Если я правильно вас понял, сопровождающие тяжело раненного альпиниста зафрахтовали весь рейс?

– Мы вошли в положение несчастного молодого человека – ему безусловно нужен был полный покой, никаких контактов, уход в полете... Да и желание его родителей, переданное нам по телефону, – закончил директор предельно честно, – если они готовы с лихвой компенсировать материальные затраты нашей фирмы, то почему бы не исполнить их вполне естественные в таком положении требования?

– Вы отменно справляетесь со своими обязанностями, господин директор. Руководство компании должно быть вами довольно. Могу ли я взглянуть на самолеты, побеседовать с летчиками?

– Ну конечно же, какие вопросы! Все к вашим услугам, кроме находящихся в полете.

– А тот героический экипаж, спасший пострадавшего альпиниста?

Круглое, румяное лицо технического директора как-то на глазах осунулось и посерело, он замялся на несколько секунд, а потом скорбно проговорил:

– Видите ли, на обратном пути из Италии их самолет попал в грозовой фронт, был отнесен с курса в открытое море, хотя и недалеко от берега... В общем, бесследно пропал над

прибрежными водами Адриатики. Но мы совсем не теряем надежды, что все они живы. Уже несколько дней ведутся поиски.

– А какой был конечный пункт их маршрута?

– Бриндизи.

«Ну, конечно, а на обратном пути концы в воду! Свидетели-очевидцы опять случайно гигнулись. И совсем уж маленький нюансик: для итальянцев, каковыми представились сопровождающие, совсем не характерен сильный, специфичный акцент».

На пути обратно в Лозанну Гера принял решение: вдвоем с Анатолием они отправятся в Италию, а остальные ребята пока отработают здесь другие возможные варианты. Ведь то, что поломанный спортсмен – это и есть Сергей, пока точно не установлено.

«Хотя, шрам у левого глаза – это теперь «фирменный знак» Редина, а гибель самолета на обратном пути лишь значительно усиливает подозрения».

* * *

Бриндизи оказался типичным портовым городом южной Италии: суетливый, неугомонный ни днем ни ночью, громогласно вещающий на всех языках Средиземноморья, он был совершенно хаотично разбросан на довольно большом пространстве вдоль Адриатического моря.

Главным отличием от расположенного неподалеку более крупного порта Бари был паром, ведущий на греческий полуостров Пелопоннес.

«Вот этот-то паром и интересовал в первую очередь наших похитителей. Иначе, гораздо логичнее им было прилететь в Бари: это город покрупнее – легче затеряться и больше возможностей улизнуть незаметно в любом направлении. А на то, чтобы запутывать следы, делать несколько остановок и пересадок у них просто не было времени. Да и «груз» хлопотный. А вот чувствовали они себя здесь уже, вероятно, в полной безопасности. Значит, паром...» – так рассуждал Талеев по дороге на аэродром, где, как сообщил им швейцарский технический директор, приземлился самолет с раненым альпинистом на борту.

Однако расспросы там ничего не дали. Никто из обслуживающего персонала близко к частному лайнеру не подходил; что или кого выгружали не видели. Может, и человека. Носилок точно не было. Вообще, их встречала своя машина, на которой они сразу же и уехали с территории аэродрома. Да кто же будет номера записывать? А самолет заправили и проводили. Вот только улетел он недалеко, упал в грозу в море. До сих пор ищут.

– Ну что, Толя, не такой уж это и отрицательный результат. По крайней мере, их присутствие здесь не подлежит сомнению. Значит, будем искать. Ты двигай в порт, покрутись у парома. А я пока пообщаюсь с нашими местными кадрами

на предмет получения, так сказать... – Талеев изобразил руками в воздухе нечто вроде шара, – полной ретроспекции...

– О чем это ты, Гера?

– Ладно, не парься, Толя, это по-нашему, по-научному, по-журналистски.

– Ну уж, где уж, нам уж.

Проводив Анатолия, Талеев сделал несколько телефонных звонков по известным только ему кодовым номерам и договорился о встрече с интересующим его человеком через 20 минут в баре напротив.

* * *

– Привет, земляк! – поздоровался с ним подошедший к барной стойке мужчина средних лет неприметной наружности. – Узнал тебя по описанию сразу. Я – Вирген Семен Николаевич, торговый представитель... ну, да, неважно, чего. И еще кое-чего, что важно, но непроизносимо вслух.

– Да ты прямо философ, казуист.

– Это есть немного. А ваш «красный штрих» и до меня уже долетел. Так чем могу быть полезен?

– Ты давно здесь... торгуешь?

– Почти восемь лет.

– Солидно. Значит, абориген.

Забрав заказанную выпивку, собеседники от стойки перекочевали за небольшой столик для двоих сбоку от окна в

самом углу помещения. Здесь им никто не мешал спокойно разговаривать. Вот только на все вопросы журналиста Семен не смог сообщить ничего, заслуживающего внимания.

– Понимаешь, земляк, – сокрушенно разводил руками Вирген, – в интересующее тебя время, вообще, затишье какое-то во всех преступных делах наблюдалось. Прямо обеденный перерыв, сиеста. Про упавший самолет слышал, но он ко мне никаким краем. Контрабанды или ценностей на нем не было. А вот, кстати, о контрабанде – вспомнил. Может, тебе как-то пригодится одна коротенькая история. Сам решай, куда ее пристегнуть. Или совсем выбросить.

Семен лихо опрокинул в рот стопку итальянской водки и, не прерываясь, продолжил:

– Самая крупная по местным меркам заваруха произошла тут несколько месяцев назад. Понимаешь, один из каналов поставки наркотиков в Европу проходил через юг Италии, да и через наш Бриндизи. Это в основном товар с Ближнего Востока – Афганистан, Иран, ну может, совсем чуть-чуть из Юго-Восточной Азии. Конечно, все происходило под полным контролем сицилийской мафии. Здесь она всем заправляет. Канал был надежный, кому надо сколько надо отстегивали – и жили все припеваючи, без проблем. И вдруг очередную партию наркоты прогнали по этому маршруту, минуя карманы боссов мафии. Тех чуть удар не хватил от такой наглости. Начали разбираться, и выяснилось, что караван прошел под другой крышей. То есть, там, где «караван»

формировался – Иран ли, Афган, – сменились сами хозяева дела. Наши сицилийские крестные отцы предложили обговорить новые условия, ну и, конечно, чтобы новые хозяева неустоечку заплатили. Так вот, их посланцев просто замочили без всяких разговоров прямо тут, в Италии, на «стрелке».

Заметив, что журналист собирается задать какой-то вопрос, Вирген упреждающе поднял обе руки:

– Не спрашивай, кто стал новым хозяином караванов. На это тебе ни один человек здесь ответить не сможет. Слухи разные ходят...

– Давай, Семен, мне и слухи пригодятся.

– Ну, смотри. Как говорят, за что купил... В общем, подозревают, что поставку наркотиков взяло в свои руки само государство-производитель через собственные силовые структуры.

Талеев даже присвистнул.

– Какие-нибудь факты говорят об этом?

– Ну, как выражаются юристы, имеются лишь косвенные улики. Так нагло можно вести себя, лишь ощущая за спиной непробиваемые тылы. Еще караваны стали значительно больше по объему, а сами наркотики уже прошли первичную обработку. Причем, не кустарную, а в стационарных фабрично-заводских условиях. Кроме того, охрана раз в десять увеличилась, и все сплошь кадровые вояки. От таких перемен доходы в десятки раз выросли.

– Что ж, так все и сейчас происходит?

– Ну, когда же это мафия сдавалась? Да еще у себя на родине! Разве что при Муссолини. В общем, наши крестные папы забыли на время все свои внутренние распри, замирились, объединились, поднатужились и разгромили вчистую один караван. Заодно прихватили главные транзитные пункты. Чтоб неповадно было иностранцам продаваться. А в результате, отстояв свою бандитскую честь, лишились львиной доли прибыли.

– Как это получилось? – уже всерьез заинтересовался Гера.

– Вместо былого потока остался лишь тонюсенький ручеек случайных партий, а главные караваны пошли в обход другим путем. – Семен щелкнул пальцами бармену, указав на пустые стопки.

– Ну не томи ты, Сеня! Где этот новый путь?

В это время официант принес заказ, забрал пустые рюмки и сменил пепельницу. Вирген поднял бокал и блаженно понюхал напиток:

– Привык уже, понимаешь. Больше русской водки стало нравиться. Ладно-ладно, не кипятись! Вовсе я не издеваюсь. Только тут мы опять в область догадок переходим. Хотя и со значительно большей степенью вероятности правильного угадывания. Похоже, что через Грецию путь пошел. А к грекам забираться даже у нашей сицилийской мафии кишка тонка, и...

В этот момент выходящее на улицу большое окно, рядом

с которым они сидели, словно взорвалось, засыпав осколками стекла все небольшое помещение бара. Уже затем донесся стук автоматных очередей с улицы, и раздались истошные вопли раненых внутри. Сидевший в самом углу Талеев при первых же звуках бьющегося стекла нырнул под стол и, вытянув руку, ухватил за ногу Семена Виргена. Тот почему-то явно задерживался с поисками надежного укрытия.

«Вот ведь как расслабляет людей спокойная тихая жизнь в среде миролюбивой итальянской мафии», – подумал Гера и дернул за ногу сильнее. Семен Николаевич сполз на пол. Точнее, на пол расслабленно опустилось лишь его тело, потому что пуля, попавшая в затылок Виргена, просто снесла всю левую половину черепа. «Эх, ну что же ты так неаккуратно!» Однако, на соболезнования времени у Талева не было. В этом крохотном зальчике он был как в мышеловке. «Сюда еще пару гранат, и не останется ни одной живой души!» Только Гера успел так подумать, как через выбитое окно к барной стойке шлепнулась граната, очень напоминающая по виду российскую «РГД». «Накаркал, сама припрыгала!» – с такой мыслью журналист резко выпрямился, сворачивая спиной стол, а потом, падая, придержал его руками, отгородившись таким образом, как щитом, от готовой уже взорваться гранаты, понимая, однако, что вся его защита очень ненадежна. А потом все звуки потонули в грохоте взрыва.

Ударной волной вынесло наружу и два оставшихся ок-

на вместе с рамами, столы и стулья, стоявшие у этих окон, разметало всю стойку бара, а Талеева перевернутым столом сильно прижало к диванчику, на котором он еще недавно сидел.

Огненный смерч вырвался на улицу, как струя из десятка мощных огнеметов, словно подчищая за собой все зло, недоделанное взрывной волной и многочисленными осколками. И разом все стихло. Осталось лишь негромкое потрескивание догорающих головешек, в которое ворвался отдаленный вой подъезжающих к месту взрыва полицейских и пожарных машин.

С трудом отодвинув ногами повалившийся стол, журналист поднялся, инстинктивно отряхиваясь и озираясь, и тут же понял, почему в такой смертоносной круговерти не получил, похоже, даже мелкой царапины: тело Семена было прижато к крышке стола с наружной стороны. Это оно приняло на себя сначала убийственный рой гранатных осколков, а потом испепеляющий огненный шквал.

«Вот тебе, друг, и красный штрих», – почему-то подумалось Талееву. Больше, чем сделал для него этот неунывающий соотечественник – сначала живой, а потом даже мертвый – невозможно было себе представить. Гера на миг наклонился, прикоснулся пальцами к изувеченному телу: «Прости и прощай, земляк. Мне нельзя оставаться. Все будет нормально, безвестным ты не останешься. Еще раз прости!»

Вот такая панихида.

* * *

А в нескольких километрах к юго-востоку от этого многострадального кафе, в порту, по грязным закоулкам до предела захламленного старого причала прыгал, как резвый зайчик, боец Команды Анатолий, ругаясь на чем свет стоит и приговаривая себе под нос в такт бешеным, непредсказуемым скачкам:

– Да вот уж хрен тебе! Если с первого выстрела не попал, ни за что достать меня не сможешь. А вот я до тебя точно допрыгаю, заодно еще и пистолетиком разживусь. А то ведь черт знает что творится: посылают на задание как в кино: один и без оружия, мать... – Пуля впилась в самый край деревянного ящика в паре сантиметров от головы. – А это уже шесть. Скоро расплачиваться будем по счетчику. Пора мне к тебе поближе круги нарезать, а то ведь могу и опоздать подскочить в самый интимный момент! – С этими словами Толя вместо того, чтобы скрыться за огромным ящиком, отпрыгнул назад, приземлившись на корточки, а затем перекатился через левый бок на новое место. Тут же туда, где он только что находился, стукнула пуля.

– Ну вот, да мы с тобой словно у одного инструктора обучались. Только я гораздо способнее! Напрягись, противничек, момент истины приближается. Уже семь пуль за тобой, а толку – ноль.

Еще один выстрел прозвучал, когда Анатолий, изогнувшись в невероятном кульбите, преодолевал последнюю значительную преграду – кучу металлолома. Пуля, ударившись о железку, срикошетила, издав противный визг. Теперь у неудавшегося киллера шансов не было. Он еще потерял последние мгновения, судорожно пытаясь вогнать в пистолет новую обойму, но был просто сметен сильнейшим ударом всей девяностокилограммовой массы тренированного тела Анатолия.

В таких поединках жизнь врагу не дарят. Захватив шею противника в замок локтевого сгиба, Толя резко дернул рукой в сторону. Послышался характерный треск ломающихся шейных позвонков, и безжизненное тело соперника тряпичной куклой опустилось к ногам победителя.

Анатолий поднял отброшенный пистолет с уже вставленной полной обоймой, внимательно осмотрел его, передернул затвор и, удовлетворенно хмыкнув, затолкал за пояс брюк. Это была классическая «беретта» 9-мм – безликий атрибут высокопрофессиональных киллеров в любой точке планеты, очень надежное и грозное оружие. Хотя, сам Анатолий предпочитал более длинноствольные пистолеты меньшего калибра. Тут явно сказывалась профессиональная привычка к спортивному оружию: как-никак серебряный призер Олимпиады!

Больше в карманах убитого ничего не было. «Так кто же ты такой, мистер Икс?» – подумал Толя, вглядываясь в за-

прокинутое лицо трупа. Среднего роста мужчина крепкого телосложения, лет 28–32, волосы и усы черные, кожа светлая. «А тип не итальянский. Скорее, Турция, Албания или Ближний Восток».

Поначалу казалось, что ознакомительный визит Анатолия в порт не сулит никаких сюрпризов. Ему неожиданно быстро удалось найти людей из обслуги парома, которые вспомнили по предъявленной им фотографии представительного мужчину весьма странного поведения в сопровождении девушки и еще двоих, вероятно, друзей или родственников. Уж очень он неуверенно двигался, низко опустив голову, поддерживаемый с обеих сторон своими спутниками. Возможно, был изрядно пьян. В пути из каюты выходила только девушка. Даже пищу она туда сама приносила. А в Эйоне, на Пелопоннесе, их уже машина на причале поджидала. Вся троица с парома враскачку выбиралась, чуть не попадали на трапе. Точно, пили всю дорогу! Можете со стюардом поговорить, который в их каюте прибирался. Хотя, что он вам нового расскажет? Да-да, вот так прямо и идите мимо хозяйственного причала; он сейчас в конторе очередной нагоняй получает. Непременно встретитесь. По нашей форменной одежде узнаете. Не ошибетесь!

«Точно, встретились. Без всяких ошибок. Только не с тем и не там. Когда же мне на хвост сели? А в общем, картина вполне логичная вырисовывается. Трюк с бинтами и носилками свое отыграл. Кроме того, такой пассажир сразу же

привлекал ненужное внимание. Вот они Сереге и отключили башку наркотиками, но оставили способность ноги переставлять, хотя и не без посторонней помощи. Тут они слегка просчитались: такая группа людей бросайся в глаза еще больше.

В общем-то, мне и от стюарда уже ничего не надо. Могу даже об заклад побиться, что в их каюте ни одной бутылки из-под спиртного не осталось. Трезвые были. А на трапе цирк разыгрывали.

Короче, надо немедленно связаться с шефом!»

* * *

Разговор по телефону получился вовсе не таким, как ожидал Анатолий. Едва его выслушав, Гера безапелляционно приказал: «Немедленно все бросай и возвращайся ко мне в гостиницу. Такси не пользуйся, добирайся на частнике. Войдешь с хозяйственного двора через служебный вход, я заранее оставлю открытой дверь. Можешь изобразить посыльного на всякий случай, только какую-нибудь коробку прихвати, поубедительней и, главное, почище. Я сказал, немедленно! Все. Через час жду!» Во, обласкал, а?!

Уже потом, спокойно уединившись в гостиничном номере, друзья обменялись полученными сведениями и попытались сформулировать первые выводы:

– Не зря мы, в общем-то, гнались сюда, как угорелые:

успели-таки наступить им на хвост в самый последний момент. Эх, чуток бы пораньше... Надо ребятишек сюда высвистывать или сразу можно в Грецию – и загонять паразитов до конца, не давая ни сна, ни отдыха!

Гера задумчиво посмотрел на своего воинственного напарника:

– Толя, я сейчас скажу тебе парадоксальную вещь. Даже не одну, а две. Только ты не вскакивай, не начинай размахивать руками, как ветряная мельница, и бросаться на меня, как цепной пес. Ты попытайся понять. Спокойно и обстоятельно.

– Ты меня совсем за тупого идиота держишь, да?

– Сам прекрасно знаешь, Толя, что нет. Разве стал бы я работать с человеком, которого не ценю, не уважаю, к мнению которого не прислушиваюсь?!

Анатолий примирительно хмыкнул.

– Вот и отлично. Значит, парадокс первый. Все наши героические подвиги гроша ломаного не стоят. А единственная ценная, точнее бесценная информация содержалась в коротенькой истории Семена Виргена, которую я тебе пересказал. У меня было время до твоего приезда ее проанализировать, и очень многое встало на свои места.

– Может, я не слишком внимательно слушал, но эти внутренние мафиозные разборки меня мало заинтересовали, – пробурчал Анатолий.

– Не скажи. – Гера раскрыл атлас, лежавший у него на ко-

ленях. – Куда эти похитители так целенаправленно волокли Редина? – Его указательный палец уперся в середину Греции: – Вот куда. А из Семеновой истории следует, что как раз в это место теперь приходят, точнее, прилетают наркотические караваны, у которых не так давно сменились главные хозяева. Как любил говорить наш друг Серж: «совпадений не бывает». Именно там, – палец снова потыкал в карту, – для него уже было приготовлено местечко в самолете.

– Что же получается? Птичка упорхнула?

– В данный конкретный момент, да. Но ты помнишь две страны из рассказа Виргена?

– Афганистан и Иран.

– Во! Это уже почти точное определение географических координат цели.

– Ничего себе, точное! Семен ведь только слухи пересказывал, мог и ошибиться.

– Мог. Но только к его косвенным уликам еще кое-какие добавились. Например: нас в баре обстреливали из российского оружия. Звук «АК» я ни с каким другим не спутаю. Граната тоже наша была, факт. Итальянцы, если предположить, что это была мафия, ни тем, ни другим отродясь не пользовались. А вот в Афгане, да и в Иране целые склады нашего вооружения и боеприпасов.

– Согласен. Афган...

– Не торопись! Вот тебе одно маленькое наблюдение из области военной стратегии и тактики. Наверно, ты уже зада-

вался вопросом, где же это тебе или нам обоим хвост прицепили?

Анатолий смущенно глянул в пол.

– Не казнись. Это мы были их хвостом, а нам никто ничего не прицеплял.

– Это что, твой второй парадокс?

– Отнюдь! Просто глава из учебника по тактике. Мы оба нарвались на «отрубщиков».

Толя знал, что так на специфичном жаргоне оперативники и полевики называют спецгруппу, которая не следит за слежкой, а расположившись в известной контрольной точке, после прохода через нее основных сил уничтожает на месте любого подозрительного субъекта, следующего за этими силами. Отрубает навсегда. Причем, приказ у отрубщиков жесткий и однозначный: никаких выяснений и проверок. Короче, мементо море.

– А знаешь, шеф, очень похоже.

– Потому и похоже, что это и наша тактика, и тактика практически всех диверсионных и прочих спецподразделений в мире. Так учат!

– Это я понимаю, но куда ты все-таки гнешь?

– Так учат в спецслужбах! Причем государственных. Вот это и есть еще одна сцепочка со слухами Виргена о том, что контроль над «караванами» захватили какие-то спецслужбы. А дальше еще проще. Сбрасываем со счетов столь милый тебе Афганистан...

– Эй-эй, как это сбрасываем? Да там же...

– ... по банальным причинам практически полного отсутствия там сейчас этой самой государственной власти и подчиненных ей спецорганов – кроме, конечно, чисто бандитских формирований. Раньше власть была. Потом еще, может, и будет, когда доблестных блюстителей демократии под звездно-полосатым флагом оттуда выдворят, а сейчас – нету!

– Значит, Иран... – задумчиво протянул Анатолий.

– Да, Толик. И этот вопрос для меня решенный.

– Где же второй парадокс?

– Пожалуйста. Мы не только сами ни за кем не побежим вдогонку и не будем высвистывать сюда или в Грецию ребят, а спокойно свернем манатки и ближайшим рейсом убудем в стольный город Москву.

Анатолий долго и пристально смотрел на изображавшего абсолютное спокойствие журналиста. Потом очень серьезно спросил:

– Ты ничего не желаешь добавить, командир?

– Да запросто! – весело сказал Талеев. – Как говорил один беззаветно любимый мною классик: «Мы пойдем другим путем!»

Глава 2

УКРАИНА, КРЫМ. НЕЗАДОЛГО ДО ЭТОГО

Телефонный звонок в квартире майора Петренко раздался в 6 часов утра в понедельник. Уже одно это могло мгновенно превратить самого кроткого праведника в разъяренного монстра. А Петренко праведником не был. Тем более вчера. Да и в субботу вечером тоже. С утра рыбалочка в дружной компании единомышленников, потом ее достойное завершение за обильным и гостеприимным домашним столом, затянувшееся далеко за полночь. Пожалуй, не стоило лишь в воскресенье соглашаться на продолжение банкета. Да ведь так редко случались выходные дни, свободные от дежурств и вахт или просто бессмысленно-утомительного и никому ненужного торчания в казарме! Вот и расслабились по полной программе…

– Кто у телефона? Мне нужен майор Петренко! – надрывалась трубка.

– Чего раскричался-то? – хриплым со сна голосом пробурчал майор, узнав собеседника, несмотря на отвратительную слышимость, писки, шорохи, какие-то перезвоны и всхлипывания на линии. «Может, у меня это и вовсе в голове? Синдром какой-нибудь. Алкогольный».

Петренко явно наговаривал на себя. Он вовсе не был пьяницей, а уж тем более алкашом. Обычный советский, тьфу,

российский офицер; вполне добросовестный, дисциплинированно исполняющий свои обязанности. Но и не чурающийся в свободное (!) время отдать должное великим традициям славянского хлебосольства...

– Володя, выручай! Без ножа меня режут! – на том конце провода явно паниковали. – Все под угрозой: карьера, перевод...

– Тихо, Коля, тихо, – зная импульсивность своего давнего приятеля, Петренко весьма спокойно относился к таким преувеличениям.

– Не Коля, а Мыкола! Олейник Мыкола Опанасович!

– Ага. Был всю жизнь Колькой Масловым, а как украинскую присягу принял – переродился. Как это там: «Тяжела и неказиста жизнь державного штабиста!» Вот я со своей более подходящей фамилией продолжаю служить в Российских Вооруженных Силах.

– Вова, Вовочка, не до юмора мне сейчас и не до упреков. Жизнь так повернулась.

Майор уже начинал заводиться.

– Сам повернул! Как у всех нас, у тебя был выбор. Польстился на головокружительную карьеру и деньги. У вас же прапоры частями стали командовать, а лейтенанты в Генштабе заседать, не забыв обвешать себя орденами, медалями и огромаднейшими звездами на погонах. Ты-то сам в каком сейчас ранге и чине, а?

В трубке послышалось натужное сопение, но видно собе-

седнику вовсе не хотелось обострять дискуссию. Потому что он примиряющее, но вместе с тем отчетливо горделиво произнес:

– Полковник. Командую отделом вооружения в Главном штабе Военно-Морского Флота.

– Фью-ю-ю! Чего же такой державной шишке потребовалось от бедного русского командира развалившейся торпедной базы в Крыму, откуда вы же нас и пытаетесь вытурить в три шеи?

– Володечка! Давай всю эту государственную политику оставим в стороне. – Было даже слышно, как собеседник раздраженно поморщился. – У меня ведь просто безвыходное положение.

– Что, в НАТО не принимают? Так вы это дело горилкой и сальцем…

– Можешь ты хотя бы выслушать-то нормально?!

– Ладно, излагай. Только честно и коротко.

– В общем, к нам завтра приезжают инспекторы. Оттуда.

Петренко мужественно воздержался от вертевшихся на языке комментариев, а Олейник продолжал:

– Это все связано с ликвидацией определенных видов вооружения. Или окончательной их передачи вам.

– О, старая песня! Мы же в свое время упрашивали: отдайте нам все, мы и вывезем, и уничтожим сами. Так нет, уперлись. Решили, что сможете не отдать, а продать кому-нибудь. Хохлы чертовы! А оказалось, что хрен вам по всей жир-

ной морде! Вот и выкручивайтесь теперь сами!

– Не выкрутиться мне, Володя. Слишком много еще чего у нас по разным складам и арсеналам распихано. И все на мне висит. Три дня уже и по телефону, и лично по всей стране мотаюсь. Договариваюсь, пристраиваю, куда только смогу, по частям. А сколько денег истрачено!

– Ну, это, конечно, самое обидное.

Полковник не обратил на юмор внимания:

– Ведь почти не осталось российских баз, где попрятать можно. Вас-то никакие евро-американские проверки не коснутся.

– Сами же наши базы с кровью вырвали, превратили в гадюшники, разорили и бросили, – снова не сдержался майор.

– Володька! Ты же меня уже трижды выручал так.

– А, вспомнил! А как ты меня надул, тоже не забыл? Ведь что обещал, а? Скоро как раз три года, как жду исполнения.

Тут повысил голос сам Олейник:

– Ага, это тебе что, ведро горилки с перцем и полвагона сала в шоколаде? Ты же перевод в Севастополь запросил и должность ого-го какую...

– Так, – строго и безапелляционно перебил его майор, – а теперь еще позаботишься о служебной квартире там же! – Почувствовав, что на том конце телефона вот-вот взорвутся, добавил: – Или бросаю трубку!

– Ладно-ладно, договорились. Только не кочевряжься больше. К вечеру тебе на двух «Уралах» подвезут «изделия».

Документы будут в полном порядке, из Главного штаба. Прими их поаккуратней, размести где-нибудь подальше от посторонних глаз на всякий случай, а через три-четыре дня я их обратно заберу, когда эти охламоны умотают.

– Не учи ученого! Только смотри, Колька, попытаешься надуть с оплатой, я ведь запросто устрою, что державный Главный штаб понесет невосполнимую потерю.

– Да какое надувательство между старыми друзьями?! Учились же вместе столько лет и служили. Просто времени побольше потребуется для осуществления. Вообщем, я как-нибудь к тебе лично подскочу, в море покупаемся, рыбалочку знатную организуем... Эх! Ну, спасибо огромное, Володька, выручил, так выручил. Я знал, что на тебя можно положиться. Жене привет передай. Удачи!

Закончив беседу, полковник Олейник задумчиво погладил намечающуюся лысину. Начиная разговор, он вовсе не собирался лукавить, но потом, возможно, почувствовав в голосе собеседника какую-то нерешительность… нет, не соврал, а лишь воздержался от уточнения кое-каких технических деталей. Сейчас он похвалил себя за эту интуитивную предусмотрительность. «Изделиями» были четыре торпедные боеголовки. Конечно, Вовка Петренко без труда разместит их на своей торпедной базе под Балаклавой: там на стеллажах давно уже шаром покати, одни тараканы, и контроля сверху никакого. Так что, ему вовсе не обязательно знать такую пикантную подробность, что одна из боеголовок – ядер-

ная. Фу, какая мелочь! И в чем, скажите, разница, пока не взорвалась? То-то!

«Надо будет дать команду, чтобы упаковали все понадежней, а наружные ящики гвоздями забили и несколько раз опечатали. Да чтоб снаружи никаких бирок и пояснительных надписей и знаков! Только «Груз №…, изделие такое-то, изготовитель – завод железобетонных конструкций или резиновых изделий г. Выпендрюжинск».

Отлично, полковник!

* * *

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ, КРЫМ, БАЛАКЛАВА, ТОРПЕДНАЯ БАЗА ВМФ РОССИИ

Дежурный капитан уже перебрался в комнату отдыха, чтобы вздремнуть, не раздеваясь, отведенные ему Уставом четыре часа, когда тоненько запищал допотопный телефон на рабочем столе.

– Дежурный по части капитан Леснев!

– Товарищ капитан, тут помощник дежурного по базе с проверкой приехали. Я без вашего разрешения не пропускаю. А он матерится и вас требует.

– Ох, Таранов! Когда же я научу тебя представляться как положено. Что не пропускаешь – это правильно. Вежливо предложи подождать. Я через две минуты прибуду.

– Хорошо.

– Да не «хорошо», а «есть!» – капитан сокрушенно покачал головой. – Ведь полгода уже служишь.

– Есть, товарищ капитан!

– На ж... шерсть. Сейчас подойду.

У входного КПП майор с красной повязкой на рукаве нервно прохаживался вдоль забора с колючей проволокой:

– А вы не торопитесь, капитан, – грозно встретил он перешедшего на легкую трусцу на последних метрах офицера.

– От дальних складов пришлось бежать, товарищ майор, – не моргнув глазом соврал тот. – А вообще, к нам с базы уже года полтора никто не заглядывает. Хранилища практически пустые.

– Ну, как же это пустые? Вам только вчера ночью доставили «изделия» на хранение.

Это произошло еще до вступления капитана в дежурство, и он знал о таком факте лишь со слов сменщика.

– Я в курсе. Принял при заступлении, как положено. Замечаний нет.

Фу, черт! Для капитана это было самое опасное место. Дело в том, что тот же сменщик передал распоряжение командира торпедной базы Петренко не вносить новые изделия в перечень, так как через день их должны забрать.

«А вот отдуваться теперь мне придется, – тоскливо подумал капитан, – ведь этот штабист точно бумаги затребует. Совру, что до утра в канцелярии закрыты, чтобы перепечатать».

– А я потому и появился, что теперь есть, что проверять, – подытожил майор.

– Так точно.

– Тогда, капитан, давай до хранилища прогуляемся, а номера потом у тебя в рубке дежурного сверим.

«Выкручусь как-нибудь».

Видя, что офицер замялся, проверяющий усмехнулся и вытащил из кармана бумаги:

– Вот мое удостоверение, вот разрешение на право проверки в ночное время, вот допуск в хранилища.

Бегло просмотрев документы, капитан предложил:

– Прошу вас. Только я в рубке ключи и фонарик захвачу, там темно.

– Поторопитесь, капитан!

У хранилища дежурный окликнул часового и осветил свое лицо и фигуру майора.

– Проходи!

Внутри помещения действительно было темно. Капитан, вооруженный фонариком, шагнул вперед, а майор плотно прикрыл входную металлическую дверь. Четыре ящика находились на самых дальних стеллажах, аккуратно прикрытые толстой парусиной. Капитан наклонился и приподнял ее край.

В это время жестокий удар в затылок свалил его на землю. Потом майор вытащил из кармана изогнутый в форме полумесяца нож и не торопясь, от уха до уха, перерезал горло по-

терявшему сознание капитану. Подумав секунду, он одним взмахом отсек еще и ухо, которое аккуратно завернул в платок и спрятал в карман.

Распахнув дверь хранилища, внутрь вошел человек в черном комбинезоне, волоча за ногу безжизненное тело часового. Он бросил его прямо у двери, приблизился к майору с повязкой и, осветив своим фонарем изуродованный труп дежурного, удовлетворенно хмыкнул:

– Красиво исполнено.

– Так еще во время войны крымские татары с русскими расправлялись.

– Те, которые в карательном батальоне СС служили?

Майор не ответил, снова вытащил нож и отошел к трупу у двери. Потом, взглянув на часы, распахнул изнутри большие створки ангара. Приглушенно урча, крытый «КамАЗ» медленно въехал в хранилище и, развернувшись, подкатился бортом прямо к стеллажу с четырьмя ящиками. Из кузова выпрыгнули трое в черных комбинезонах и быстро, но несуетливо и осторожно, вскрыли все ящики. Подошедший майор внимательно осмотрел их содержимое, сверил нанесенные на изделиях номера с вытащенной из кармана бумажкой. Потом поколдовал над каждым ящиком приборчиком со светящейся шкалой и, удовлетворенно кивнув, указал на один из них:

– Грузите этот!

Вылезший из кабины шофер помогал погрузке, а к майору

приблизился только что вошедший в ангар мужчина.

– Снаружи все спокойно. Зачистку мы произвели качественно. Один на КПП, один в рубке дежурного, часовой по периметру и двое спящих в комнате отдыха.

– А разводящий где?

– Они уже давно без него обходятся. Осталось всего два поста, так что дежурный по части сам их меняет.

Майор кивнул:

– С трупами все, как я приказал, сделали?

– Да.

– Как дела у второй группы?

Теперь посмотрел на часы подошедший:

– Через десять минут все будет закончено.

– Тогда поторопитесь здесь. После того как мы отъедем, оставьте снаружи одного бойца для контроля. Уходит пусть в одиночку.

– Ясно.

* * *

Точно в указанный срок все было закончено. Из ворот части выехал «КамАЗ» и быстро скрылся в бархатной темноте южной ночи. Почти сразу же над всеми постройками внутри периметра торпедной базы заколыхались языки пламени, а когда огонь вполне разгорелся, раздалась целая серия взрывов.

Первые пожарные машины, визжа на поворотах тормозами, прилетели уже через пару часов.

* * *

ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЯ ГДЕ-ТО МЕЖДУ ФОРОСОМ И СИМЕИЗОМ

Быстроходный вместительный катер, хищными обводами корпуса напоминавший барракуду, легко подошел к деревянному настилу, всего на несколько метров выдающемуся в море. Понадобилось не более пяти минут, чтобы деревянный ящик из кузова военного «КамАЗа» перекочевал в его глубокий трюм и компактно расположился на заранее подготовленном месте.

От импровизированного причала катер отходил практически бесшумно, на малых оборотах двигателя. Благодаря специальной светопоглощающей окраске, он полностью сливался с темной и маслянистой поверхностью спокойного моря.

В другую сторону от того же причала так же бесшумно отъезжал грузовой автомобиль. Сидящий рядом с водителем мужчина в черном комбинезоне по-хозяйски уверенно придерживал на коленях небольшой чемоданчик-дипломат.

А под досками настила ленивый чуть заметный прибой небрежно шевелил волосы уткнувшегося лицом в песок сухопутного майора с едва заметной черной дырочкой во лбу.

Внезапно грузовик резко затормозил. Мужчина в черном легко спрыгнул с подножки кабины и пробежал десяток метров до настила. Там он приподнял голову майора над водой и одним взмахом кривого ножа рассек ему горло от уха до уха.

– Действительно, татары так делают.

Так же быстро он вернулся обратно, и машина, легко преодолев полосу бездорожья, выкатилась на трассу.

До рассвета была еще уйма времени.

Глава 3

Он устал. Так, как никогда еще в жизни. Да и сама жизнь осталась где-то за пределами этой всеобъемлющей усталости. Кроме нее, не было ничего. Ни боли, ни желаний, ни воспоминаний. Пожалуй, осталось еще время. Каким-то образом он ощущал его неспешное течение вокруг себя, но не принадлежал и ему, укрывшись в коконе своей фантастической усталости.

* * *

Рядом с кроватью, на которой неподвижно лежал осунувшийся человек, стояли двое в белых халатах. В одном из них легко можно было опознать медика. Он и заговорил первым:

– Вы понимаете, это редкий случай в моей обширной и весьма разносторонней практике. Его организм, – врач кивнул на лежащего, – живет... автономной жизнью; я бы сказал, на своем клеточном уровне.

– Поясните, доктор.

– Видите ли, методика поддержания и восстановления таких пациентов нами весьма хорошо изучена. В основном, конечно, благодаря вашему ведомству, – последовал слегка ироничный поклон в сторону собеседника. – Постепенно и

осторожно возвращая сознание пациенту, то есть, пробуждая клетки его головного мозга, мы лишь наблюдаем, как он самостоятельно берет под контроль собственное тело, восстанавливает, так сказать, работоспособность всех составляющих его частей и органов, запускает и синхронизирует химические реакции, стабилизирует водный режим, витаминный и гормональный обмены. В общем, процесс небыстрый и редко обходящийся, так сказать, без потерь – причем иногда весьма значительных, а порой и необратимых...

Собеседник нетерпеливо перебил:

– Вы хотите сказать, что такой человек может утратить какие-то ранее имевшиеся у него способности?

– Да-да, в том числе и элементарные. Ходить, например, правильно усваивать пищу или даже чихать! Но! – доктор поднял указательный палец и чуть не с любовью посмотрел неподвижному пациенту в лицо, – этот организм все время продолжал заботиться о себе сам. Каждой клеточкой! Мне пока трудно многое сформулировать просто и понятно, но если вы позволите образное сравнение...

– Только кратко, доктор.

Врач кивнул:

– Вот именно так светлые воины ислама ждут великого откровения своего небесного Господина. В постоянной несокрушимой готовности, занеся над головой неверных карающий меч, шагая вперед, напрягая мускулы и ожидая не помощи и поддержки Аллаха, но лишь Его указующего взгляда

или намека...

– Да вы просто великий правоверный поэт, доктор! Теперь мне все стало ясно, спасибо. Только как это все проявится фактически? Чего и когда нам следует ожидать?

Недовольный, что его так бесцеремонно оборвали, медик задумался – теперь надолго.

– Не знаю. Повторюсь: это пока единственный случай в моей практике. Вместе с вами я с огромным удовольствием пронаблюдаю его. Потом напишу отчет или монографию. Вы сможете ее прочитать.

Собеседник чуть было не взорвался, но вовремя понял, что доктор вовсе не шутил, а был совершенно искренен. А врач продолжал:

– И ведь вовсе не богатырский организм! Он перенес множество физических страданий. – Теперь доктор посмотрел на собеседника угрюмо и неодобрительно. – Это я к тому, что в работе с ним вряд ли принесут положительный результат ваши обычные методы воздействия. У него дух и тело настоящего воина! Этот неверный никогда не станет вашим другом. А сроки... Что ж, думаю, что через 3–4 дня мы вернем ему сознание. Тогда уже ему не потребуется никакой раскачки, он сразу вступит в бой.

– Говорите, не станет другом? – Доктор утвердительно наклонил голову. – Что ж, попытаемся, чтобы он не стал нашим врагом.

* * *

В Москве, получив допуск к разведывательным данным по Ирану, собранным ФСБ, ГРУ и даже пограничной службой, Талеев очень пожалел, что раньше ему не приходилось близко сталкиваться с этой удивительной древней страной. Разобраться самому заочно во всех хитросплетениях ее внутренней и внешней политики оказалось чрезвычайно трудно, практически невозможно.

К тому же катастрофически не хватало времени: похищать человека «про запас» никто не станет. Значит, что-то неминуемо должно произойти в ближайшее время. А еще дамокловым мечом висел главный вопрос: зачем вообще похитили Сергея Редина? Гера понимал, что ответ на него тут же открывал путь для целенаправленных оперативных действий. Но... Даже навскидку все предлагаемые версии выглядели неубедительными, фантастическими или вздорными. Пришлось снова отказаться от попыток разобраться в первопричинах похищения и сосредоточить все усилия на подготовке общей операции по Ирану. Анатолий определил это все, как «удар по площадям».

От официального журналистского прикрытия Талеев отказался сразу: он не мог позволить себе быть постоянно на виду. Кроме того, несмотря на вполне добрососедские отношения с Советским Союзом, а теперь с Россией, и со свои-

ми недавно образовавшимися северными соседями из числа бывших советских республик, Иран был страной закрытой, отношение к иностранцам – настороженным, а в некоторых районах просто враждебным.

Основные сведения Гера надеялся получить у резидента в Тегеране, а пока по агентурным данным определил 2–3 места, где национальные спецслужбы имели свои лагеря подготовки или крупные центры сбора и обработки информации.

Действовать решили двумя небольшими группами, проникнув на юг страны через порт Харк, а на север – через границу Ирана с Арменией, на погранзаставах которой несли службу российские военные и могли обеспечить безопасность нелегального проникновения.

Сам Талеев пойдет со второй группой. Хотя на каждом направлении существовали секретные лагеря, которые необходимо было проверить, Гере как-то сразу приглянулось одно место сравнительно недалеко к юго-востоку от Тегерана у озера с каким-то чрезвычайно заковыристым двойным названием. Кроме того, там брал начало горный хребет Кухруд, пересекающий затем полстраны. Очень привлекательное место, которым воспользовались иранские спецслужбы, соорудив на высоте около 2 тысяч метров неприступный с трех сторон центр, оснащенный самой современной разведывательной аппаратурой.

Маскироваться под местных жителей было глупо, тем более что во многих районах Ирана работали российские спе-

циалисты: строили ГЭС и дороги, прокладывали линии электропередач и даже разведывали залежи полезных ископаемых. Вот под геологов и строителей выправили надежные документы, обговорили все нюансы связи, возможные пути отхода и обозначили точную дату начала операции.

«Продержись еще немного, Серж!»

* * *

– Посмотрите! – Доктор ткнул пальцем в один из мониторов. – Он приоткрыл глаза!

Тут же операторы вывели изображение еще на несколько экранов, и все, находящиеся на главном посту, смогли увидеть картинку из спецпалаты в 4-м блоке.

Пациент не просто открыл глаза. Он пошевелил руками, сначала осторожно, начиная с пальцев, а затем широко развел их в стороны, проверил подвижность каждого сустава. То же самое он проделал с ногами. Потом приподнялся на локтях и сел.

* * *

А для Сергея Редина это было далеко не первое «ознакомительное мероприятие». Он пришел в себя уже некоторое время назад. Трудно было сказать точно, когда именно,

потому что часов в палате не было, как и окон, а неяркий свет всегда оставался постоянным. Сергею пришлось ориентироваться на то, как часто меняли капельницы, делали уколы и вообще появлялись посторонние в палате. Он считал, что прошло около двух суток. Приходящие люди были или абсолютно молчаливы, или переговаривались между собой на незнакомом Сергею языке, лишь изредка переходя на английский, познаний в котором Редину все равно не хватало, чтобы понять, где он находится и как сюда попал. Последним его реальным впечатлением было Женевское озеро в Лозанне и тихая узкая швейцарская улица по дороге в отель.

Впервые очнувшись, Редин не стал звать кого-то или пытаться самостоятельно слезть с кровати. Интуиция подсказала ему, что неплохо бы сначала осмотреться и сориентироваться. Делал он это чрезвычайно осторожно, когда никого в палате не было, сквозь едва приподнятые ресницы. Шевелиться себе не позволял. Сразу удивило отсутствие окон. Потом оказалось, что среди обслуживающего персонала нет ни одной женщины. Это в больнице-то! И уж вовсе непонятным был язык. Так какая же это, к черту, больница! Да и не страдал Сергей пока никакими хроническими заболеваниями. Сердце было еще более-менее, да и в остальном... Кроме многочисленных шрамов и переломов, разве что иногда геморрой.

После очень осторожного, тщательного и неторопливого самообследования Редин понял, что на его теле не добави-

лось ни одной новой царапины.

«Может я в психушке? Крыша поехала, галлюцинации?»

Однако ремней на нем не было, а из книжек Сергей знал, что настоящие психи такими вопросами не задаются. «Ладно, – подумал он, не найдя разумного объяснения своему положению, – пусть они делают первый шаг. У меня терпения хватит».

Но потом пришла другая мысль, и появился новый план.

* * *

Доктор рванулся было из помещения охраны, но его остановил тот высокий мужчина, с которым они впервые беседовали у постели пациента. Здесь он был главным.

– Не торопитесь, доктор. У вас еще будет время с ним пообщаться. Теперь это мой пациент. Вспомните ваши собственные слова о том, что он уже готов к бою.

Медик что-то недовольно пробурчал и плюхнулся в кресло около низкого зеркального столика. Мужчина продолжал:

– Предоставим ему возможность первому пойти на контакт. Это уже психологически определит его зависимое положение.

Из кресла послышалось:

– А вы уверены, что контакт будет для вас... э... приятным?

– Спасибо, доктор, что подсказали.

Мужчина повернулся к одному из сидящих у пульта и отдал распоряжение:

– Убрать охрану из 4-го блока, двери во внутренние помещения закрыть на ключ, а ведущие к выходу распахнуть. Внизу охрану оставить, но отобрать всякое оружие и предупредить, что пропускной режим остается в силе, но задерживать нарушителя, если таковой появится, придется голыми руками. Пусть считают это для себя контрольным проверочным тестом. Тревогу не объявлять! – Подумав, он добавил еще: – Все автомашины на стоянке закрыть и заблокировать, а мост на время поднять. – Потом повернулся к доктору. – Думаю, что мы можем послать к нему санитара чуть раньше положенного времени?

Медик лишь пожал плечами, давая понять, что подчинится любым распоряжениям.

– Отлично! И чтобы при нем никакого оружия не было!

Спустя несколько минут, получив сообщение по внутреннему телефону, он подсел к зеркальному столику.

– Вот, доктор, мы и проверим ваши теории и мои предположения.

* * *

Дверь в палату открылась совершенно бесшумно, и вошел уже знакомый Сергею санитар в белом халате поверх цивильного костюма. Даже заметив своего подопечного сидящим на

постели, санитар не произнес ни слова, а просто начал манипуляции с капельницей.

По лицу Редина бродила доброжелательная, слегка виноватая и смущенная улыбка. Он сам протянул руку со введенным в вену катетером и выдавил из себя:

– Пли-и-з!

Вошедший молча склонился над его рукой. Тогда стремительно взлетела нога Сергея, согнутая в колене, и ударила санитара точно в висок.

* * *

Люди перед мониторами охнули и как по команде обернулись к своему начальнику. Тот предупреждающе поднял руку и сам, не торопясь, приблизился к экрану.

В это время Редин легко соскочил с высокой кровати, поднял бесчувственное тело и аккуратно уложил его на то место, где только что лежал сам. Потом неторопливо раздел его, а жгутами от капельниц крепко связал руки и ноги не пришедшего в себя санитара и даже примотал их к спинкам кровати. Рот жертвы он заклеил скотчем от иголок. Затем также неторопливо надел на себя костюм, халат и ботинки. Даже прошелся несколько раз по палате, оглядывая и охлопывая себя. Обнаружив в кармане расческу, причесался, провел рукой по недавно выбритому подбородку, удовлетворенно кивнул и спокойно направился к двери.

* * *

Доктор все-таки не выдержал:

– Что же вы смотрите?! Остановите его немедленно!

Начальник лишь криво усмехнулся:

– Как вы не понимаете, это же демонстрация. При желании он мог убить санитара, вооружиться какими-нибудь подсобными средствами и тайно ползком выбраться в коридор. А тут... Он понял, что мы за ним наблюдаем и ждет нашей реакции. Разведка боем. Молодец, моряк!

* * *

В коридоре было абсолютно пусто. Разминая на ходу затекшие ноги, Редин неторопливо шел вперед, дергая за ручки всех дверей. Закрыто. За поворотом начиналась ведущая вверх лестница. Преодолев по ней два пролета, Сергей оказался в холле перед приоткрытой стеклянной дверью. Еще дальше располагалась высокая стойка, перегораживающая проход, и арка металлодетектора, возле которой маячил один из служащих.

Редин направился прямо к нему, держа в руках какую-то пластиковую карточку, обнаруженную им в кармане костюма. Охранник был впечатляюще усат и черен. Начал Сергей

издалека:

– Дяденька чурка... – дальше следовал совершенно непечатный текст, произнесенный тем не менее вполне доброжелательным тоном. Любой черножопый урюк на московском рынке взорвался бы уже на половине такой тирады. Этот, однако, не отреагировал, а протянул волосатую ручищу к карточке.

«Что ж это за место такое, где чучмек не понимает русского мата?» Протянув вперед пропуск, Сергей одновременно нанес сильный и точный удар кованым носком ботинка в коленную чашечку охранника. Такой язык был понятен всем. Тут же последовал ответ в виде неглубокого вежливого приседания и взвизга от боли и ярости. Обижать недотепу сильнее Редин не собирался, но тот перекрывал ему путь к выходящей на улицу двери. Поэтому сцепленными в замок руками Сергей со всего размаха ударил противника в район левого уха, легко перескочил через поверженное тело и бросился вперед, заметив краем глаза, что наперерез ему кинулся второй страж, видно, родной брат первого, судя по усам.

Лучший способ драки – ошеломить нападающего. Не добегая до двери буквально пару метров, Редин сильно оттолкнулся левой ногой, но вместо предпоследнего шага вперед, изменив уже в воздухе направление и сгруппировавшись, он метнулся в ноги подбегающему охраннику. Насчет ошеломления неизвестно, но с катушек тот полетел кубарем, опрокинув головой тяжелую металлическую урну около входа.

Сергей молниеносно вскочил на ноги и выбежал во двор, не забыв провериться: его пока никто не преследовал.

Вот только никакой радости это не принесло, стоило ему лишь мельком оглядеться вокруг.

Сравнительно небольшой и по-современному комфортабельный дворик с бетонированными подъездами и удобной парковкой был зажат между высокими отвесными скалами. Такие же скалы виднелись впереди на горизонте. Причем, их вершины были сплошь покрыты снегом!

«Ни хрена себе, Альпы! – успел подумать Сергей, как услышал позади себя спокойный громкий голос. Речь была русская, акцент незначительный; как раз такой, когда понимаешь, что перед тобой иностранец, но национальность определить не можешь. – «Ну хоть этот без усов и не черный».

– Вам не тяжело так скакать с непривычки?

Говоривший стоял на ступеньках, а сзади него в проеме двери копошились обиженные охранники. Он выглядел лет на 45, был худощав, спортивен, с зачесанными назад седоватыми волосами и длинным породистым носом. «Может, англичанин?» Оценив ситуацию, Сергей с достоинством изрек:

– Ай лав ю.

– Я тоже, – по-русски произнес длинноносый.

– Вот и славненько, – Редин демонстративно отвернулся и шагнул в сторону выхода с парковки.

– Не думаю, господин Редин, что это хорошая идея – по-

кинуть нас так внезапно и быстро.

«А мне насрать, что ты думаешь», – чуть слышно пробурчал себе под нос Сергей и продолжил движение. «Носатый» был вынужден сойти со ступенек и двинуться следом.

– Кстати замечу, что через несколько десятков метров, вон за тем некрутым поворотом, имеется мост над глубоким ущельем. В настоящий момент этот мост поднят. У вас нет оснований мне не доверять.

Теперь Редин остановился:

– Вот даже как? Наверно, вы просто горите желанием объяснить мое присутствие здесь. Да и, черт возьми, что такое «здесь»?

– Думаю, что единственной причиной, почему это до сих пор не сделано, было ваше физическое состояние.

С таким доводом трудно было не согласиться.

– Ну, начинайте объяснять!

– Господин Редин, вы сами прекрасно понимаете всю несерьезность такого подхода. Вопросы, которые мы намереваемся обсудить с вами, не решаются на проходном дворе. Пройдемте в мой кабинет.

В общем-то, главную информацию из своего спонтанного «побега» Сергей уже извлек: вопросам охраны здесь не уделяют приоритетного значения, больше полагаясь, вероятно, на естественно-природные ограничители – крутые горы и отвесные ущелья.

Чуть поколебавшись, он шагнул за незнакомцем. Тот от-

дал какие-то распоряжения охранникам и, обернувшись к Сергею, пояснил по-русски:

– Я приказал вернуть охранные и сигнализационные системы в исходное положение, выставить недавно снятые посты, разблокировать автомобили на стоянке и вернуть всем положенное по правилам оружие. Вас удовлетворяет моя откровенность, господин Редин?

«Без комментариев! Я уже утираюсь. Один ноль в пользу черных».

Сергей молча прошагал внутрь здания.

Глава 4

Инфильтрация через границу обеих групп прошла успешно. Талеев вместе с Анатолием и Вадимом на поезде добрались до Тегерана и, прямо с вокзала связавшись по кодовому телефону с нужным человеком, договорились о встрече.

В старом городе было шумно и многолюдно, зато безопасно. Через час удалось отыскать условленное место. Им оказался небольшой магазинчик, вход в который вместо двери закрывал весьма потрепанный ковер. Зато чего только не было внутри! Сувениры и сладости, аптека и парикмахерская, продукты, одежда, холодное оружие... Гера не переставал удивляться, проходя через несчетное число комнатушек-кладовок вслед за сгорбленным иранцем лет двухсот. Наконец они оказались в тупиковом помещении, застланном коврами, в углу которого на диване сидел полный мужчина в неописуемом головном уборе и потрепанном длинном халате, под которым виднелся вполне приличный европейский костюм и дорогие модные туфли. Старик-иранец исчез таким таинственным образом, что у неверующего Талеева появилось сильное желание осенить себя крестным знамением. Испарился, наверное.

Лицо незнакомца Гера изучил еще в Москве по фотографии, как и все анкетные данные. После обмена паролями тот произнес:

– Мне уже сообщили, что прибыли вы благополучно. Рад приветствовать. Зовите меня просто Юрий.

Выслушав вопросы журналиста, он слегка усмехнулся, ровно настолько, чтобы это не обидело собеседника, и также спокойно проговорил:

– Если бы вы дали мне год, чтобы подготовиться к ответу, я вряд ли что-нибудь смог сообщить. Но вы хотите получить информацию прямо сейчас, и возможно, я попаду в десятку своими наблюдениями и выводами «не для протокола»...

«Как же все-таки сильно влияет на человека страна пребывания! Речь, манеры, образ мыслей… – Гера тут же вспомнил Семена Виргена. – Но только такой разведчик и может принести весомую пользу».

Юрий продолжал:

– В Москве мало понимают специфику нашей работы здесь. Письменные отчеты не дают никакого представления о, так сказать, внутренней атмосфере.

– Вот вы и дайте мне это представление. Я, видите ли, имею чрезвычайно отдаленное отношение к тому ведомству в Москве, на которое вы намекаете. Я – журналист. Возможно, слегка специфический.

Юра очень вежливо не то хмыкнул, не то кашлянул:

– Конечно-конечно, все, что в моих силах. Особенно для журналистов, имеющих «красный штрих». Нет-нет, это вовсе не укор. Я по складу характера аналитик и всегда завидовал таким людям, как вы. Здесь, – Юрий плавным широ-

ким жестом рук как бы охватил все пространство комнаты, но Гера понял, что говорит он о чем-то гораздо более значительном, – витает дух тысячелетий. Он не просто неистребим, он культивируется. И если мир давно забыл о тех временах, то внутри страны по-прежнему жива не только древняя Персия, но и Ассирия, Вавилон… вы понимаете, о чем я говорю?

– Стараюсь, но у меня не слишком-то получается.

– Прошу извинить мою многоречивость. Заразился этим уже здесь. Наверно, неизлечимо. Итак, во всем мире спецслужбы – одно из самых закрытых образований, согласны? Для Ирана это характерно в десятикратном размере. Кроме того, каждый отдел этого уважаемого ведомства категорически не приемлет вмешательства и даже сотрудничества от своих же коллег другой, так сказать, направленности. Это создает массу дополнительных трудностей для нас по сбору информации, по внедрению наших людей. Но, с другой стороны, наши агенты чувствуют себя внутри более защищенными… – Заметив, что Талеев хочет перебить его, Юра добавил: – Сейчас вы поймете, к чему этот маленький исторический экскурс.

Так было до недавнего времени. Сейчас обстановка в стране резко меняется, что, конечно, отражается и на ее спецслужбах. В руководство приходят новые люди, часто обученные и даже воспитанные в Европе и Америке. Совершенствуется стратегия, тактика, техническая оснащенность.

Вот, в общем-то, ответ на один из ваших главных вопросов. Похищенный человек, тем более российский военный, обладающий какой-либо информацией и занимающий известный пост, не минует «Высокого орлиного неба».

– Чего-чего?

– Так приблизительно переводится на русский название нового современного Центра сбора и обработки информации. В просторечьи, между собой, просто «Небо».

– Где это?

– Всего в 150 километрах отсюда и пару километров вертикально вверх.

«Ай да молодец, Гера! Интуиция тебя не подвела».

– Но мне трудно чем-то обрадовать вас. Центр новый, своего человека удалось внедрить пока только в его охрану. Но и от него пока не поступало действительно ценной информации. Попробуем ускорить, так сказать, процесс.

– Ничего, на месте разберемся.

– Простите, Гера, вы упомянули, что этот русский офицер как-то связан с ядерной энергетикой?

– В общем-то, да.

– В эту сферу Иран последнее время вкладывает колоссальные деньги. Целые институты, лаборатории, новые проекты...

– У нашего офицера узкая специализация – ядерные отходы. Он не ученый или разработчик. Бывший подводник-атомщик.

– Вот как?! Вы раньше не говорили об этом.

– Почему это вас так заинтересовало?

– Видите ли, совсем недавно – так что эти сведения еще мною не перепроверены, не обработаны и не переданы в Москву – создано новое сверхсекретное подразделение, а может, отдел или комитет. У него нет пока официального статуса. Нам не известны ни круг его задач, ни штатная численность, ни дислокация. Только кодовое наименование и то, что во главе стоит иранский подданный, родившийся в Европе, обучавшийся в США и Японии, проживший вне страны большую часть жизни и, возможно, связанный с британской разведкой.

– А какое это может иметь отношение к моему делу?

– Возможно, никакого. Вот только... – и тут Гера услышал поразительные слова, так часто повторяемые его другом Рединым и уже ставшие для него самого чем-то вроде неоспоримого постулата, – совпадений не бывает! Интересы этого подразделения устремлены на юг страны, в Персидский залив и далее к выходу на мировые океанские просторы. Простите, это всего лишь несколько случайно попавших к нам обрывков телефонных разговоров и, извините, пьяных полунамеков.

– Да, мы это непременно будем иметь в виду. Только пока давайте уточним все известные вам практические детали по этому «Птичьему небу».

– Высокому орлиному.

– Да хрен с ним, с названием. Расположение, подходы, численность охраны, ее расстановка, сигнализация...

– Простите, что не заметил с вами десантной дивизии.

– Будет, Юра, будет, если понадобится. А мы пока начнем. Но неужели все так серьезно?

– А вот посмотрите.

И они оба склонились над большой и подробной картой с приколотыми к ней листками каких-то схем, чертежей, набросков, просто рукописного текста, извлеченных Юрием, как заправским фокусником, из необъятных складок его замызганного халата.

«А ведь ты, служивый, просто титаническую работу проделал за такое короткое время. Преклоняюсь. Прямо старик Хоттабыч! Кстати, тот ведь тоже вроде из этих мест происходил».

* * *

Кабинет длинноносого начальника меньше всего походил на строгое казенное помещение. Мягкие широкие кресла около невысокого стола, по форме напоминающего бумеранг, большое окно с тяжелыми однотонными шторами, у одной стены расположился изящный открытый бар со множеством бутылок, у другой – огромных размеров плоский экран. «Сюда, наверно, можно вывести картинку с любого монитора из центра охраны», – Сергей уже побывал там и в

полной мере представлял разветвленность сети контрольных видеокамер как внутри здания, так и на подступах к нему, включая даже прилегающие отвесные скалы.

Редину отвели небольшую уютную комнату рядом с палатой, где он лежал и куда теперь приходил для разных медицинских процедур по окончательной очистке организма и восстановлению его психофизических качеств в полном объеме.

Этот блок находился ниже уровня земли, поэтому окон в комнате не было. Зато работал телевизор с подключенной игровой приставкой. Подбор программ был весьма специфичным: американские и японские мультики и музыкальные видеоклипы. От такого разнообразия поневоле схватишься за пульт игровой приставки и начнешь нещадно мочить выползающих из всех дырок монстров! Без особой нужды и специального разрешения покидать эту территорию не рекомендовали. Сергей добровольно подчинился.

Кроме врача, ведущего разговоры только на медицинские темы, и начальника, умудряющегося не сказать ни о чем конкретном, весь другой персонал продолжал молчать. В комнате не было даже часов и календаря.

«Ладно, ладно, сами же первыми начнете раскрываться. Это не я вас спер, а наоборот. Значит вам что-то надо еще, кроме анализов. Все-таки, чем же привлекла вас моя заурядная в мировом масштабе фигура?»

Ответа Сергей пока не находил. Расспрашивать не считал

нужным. Но его интерес постоянно возрастал. «Ишь, психологи хреновы! Все правильно рассчитали. Фрейды недоделанные. Был бы на моем месте железный Талеев...»

* * *

Уже судя по началу сегодняшнего разговора, он явно должен был отличаться от предыдущих вежливых раскланиваний.

– Вы, господин Редин, можете обращаться ко мне просто Смит.

– Как оригинально! Никогда раньше не встречал столь заковыристого имени.

– Конечно для вас не секрет, что русский язык для меня не родной, поэтому тонкая ирония, трюизмы и некоторые метафорические обороты не находят желаемого отклика в моем сознании.

«Ха-ха! Еще как находят! Хотя русский для тебя действительно не родной язык».

Сергей только кивнул и вслух добавил:

– Тогда вам, наверно, удобнее звать меня Серж.

Смит слегка приподнялся из кресла и церемонно поклонился.

«Ну, прямо тебе Букингемский дворец!»

– Надеюсь, за проведенное здесь время вы заметили, Серж, что мы стараемся быть с вами предельно откровенны-

ми и правдивыми. То, что по каким-то причинам не может быть разглашено, мы обходим молчанием, не пытаясь обманом создать у вас ложную картину происходящего.

– Благодарю.

– Возможно, о чем-то вы догадываетесь, но конкретное подтверждение сможете найти лишь в моих словах. Организовали и осуществили ваше похищение из Лозанны иранские спецслужбы.

Трах! Вот именно так бьют обухом по голове. Секунд через десять Редин почти очухался:

– Дайте мне сигарету, Смит.

Выкурив «Кэмел» до половины, Сергей уже спокойно поинтересовался:

– А эти иранские спецслужбы, часом, ничего не напутали, а? Вроде бы я для гарема староват и некрасив...

– Это не имеет никакого значения.

«А еще говорил, что у него с юмором плоховато!»

– Сейчас вы находитесь на территории государства Иран в одном из центров наблюдения и информации.

– Я бы с удовольствием ответил вам взаимной откровенностью, но боюсь, что вовсе не обладаю интересующей вас информацией. Даже в Лозанне на симпозиуме я не делал никаких секретов из деятельности моего отдела в России.

– Нас абсолютно не интересует ваша теперешняя работа в России и любые связанные с ней секретные данные.

Трах! Еще раз обухом по голове.

– Чего же вы от меня-то хотите, – не выдержал Редин, – рецепт макаронов по-флотски или чертеж самогонного аппарата в разрезе?!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, Серж. Об этом еще не настало время говорить...

– Не настало... твою мать?! А держать меня здесь заложником настало?! У вас своих подопытных кроликов не хватает, да?!

Смит абсолютно спокойно ответил:

– Если вы имеете в виду медицинские эксперименты, то никто не собирается...

– Насрал я на ваши эксперименты! Катитесь в жопу со своей психологией, ублюдки азиатские.

– Выпить хотите?

– Че...го?!

– Что предпочитаете пить: водку, пиво, виски? Может коньяк, джин, абсент, ликер...

Сергей машинально ответил:

– Шило, – но тут же добавил, – врач не рекомендовал.

– Какой врач, наш или российский?

– Да на российских-то я... положил давно.

– Ну а с нашим я как-нибудь сам этот вопрос урегулирую. Или, как вы сказали, «положу», да?

– Не надо, Смит. Идиомы – это не ваш конек. А выпью действительно с удовольствием. Все, что нальете. Побольше и покрепче. Кстати, как же такое изобилие алкогольных на-

питков сочетается с официальной мусульманской религией в стране?

– Серж, предоставьте мне самому разбираться с законами шариата. Не забивайте голову неведомыми вам тонкостями.

Смит выбрал абсент. Его вкус не понравился Сергею, однако 70 % спирта произвели должное успокаивающее действие. Собеседник тоже пригубил из своего стакана.

– Если вы считаете, что со мной еще рано беседовать на конкретные темы, к чему все эти посиделки?

– Это я могу объяснить. Предположим, вам предстоит решить непростую задачу. Быстрота и правильность ее решения будут напрямую зависеть от известных вам данных: чем их больше, тем гарантированней верный результат.

Сергей согласно кивнул.

– Так как же я могу поставить перед вами задачу, не сообщив даже минимального набора данных?

– Да, это вполне логично. Если, конечно, поставленную задачу предстоит решать именно мне.

– Неужели у вас еще остаются какие-то сомнения на этот счет?

Сергей уже докурил вторую сигарету и попросил:

– Знаете, Смит, я готов внимательно вас выслушать, вот только это, – он приподнял над столом стакан и покачал остатками зеленоватой жидкости в нем, – не подходит для спокойного, неторопливого разговора. Налейте лучше коньяк.

Смит принес из бара бутылку «Хеннесси» и два чистых бокала, потом плеснул в оба и занял свое место в кресле напротив Редина. Над столом поплыл терпкий и чистый аромат благородного напитка. Согревая в ладонях дно пузатого бокала, Смит поинтересовался:

– Скажите, Серж, много ли вы знаете об Иране?

– Ну... – Вопрос был слишком неожиданным. Сергей хотел собраться с мыслями. – Вас интересуют мои познания в истории, географии или современной политике и экономике?

– Да, в общем-то, все вместе.

Еще некоторое время Редин помолчал, а потом медленно, с остановками проговорил:

– Это древняя страна. Богатая. В древности Персия завоевала чуть не половину тогдашнего мира. Очень удобное географическое положение. Были великие полководцы – Дарий, Кир, кажется. Потом Персию захватил Александр Македонский... Тигр и Евфрат... Нет, это, вроде, уже Ирак. Да, вот Омар Хайам точно ваш! Стихи хорошие писал, рубаи. Про баб и водку. Впечатляет, если поймешь. Но, кажется, весь расцвет и подъем закончился еще в первом тысячелетии. Во втором хронически загнивали с редкими всплесками. И еще убили нашего Грибоедова!

– Приношу свои извинения и соболезнования по поводу Грибоедова. Вслед за персидским шахом. Только алмаза у меня нет, чтобы откупиться. Насчет тысячелетия увядания

вы, конечно, чересчур размахнулись, но, по сути, правильно. Нельзя долго жить былым величием, прославлять древние победы, но не совершать новые. Нельзя, отгородившись от всего мира, загнивать в убогом феодализме. Нельзя вопросы процветания страны и нации доверять религиозным фанатикам и мракобесам. Вот к чему все это приводит! – Смит широким жестом руки указал на окно.

– Да вы, батенька, еретик-с!

– Что?

– Не обращайте внимания, это я о своем. А с вами полностью согласен. Продолжайте.

– Так вот, теперь, когда появились все предпосылки для возрождения великой страны, это очень многим пришлось не по вкусу. А кое-кто не откажется и от применения силы...

– Кажется, что-то подобное уже не один десяток раз случалось в истории. Последний раз, если мне не изменяет память, нечто подобное организовал какой-то бывший ефрейтор...

– Не надо сравнений с Адольфом Гитлером! Ни захватывать чужие территории, ни воевать за новый передел мира мы не собираемся. Это и есть принципиальное отличие. Мы хотим возрождать свою нацию не за счет ущемления чьих-то интересов, а используя свой огромный национальный потенциал, который сознательно принижали и унижали не одну сотню лет.

– Это вы сейчас конкретно Америку имеете в виду?

– Именно! Или вам мало Вьетнама, Ирака, Югославии?! Но сейчас другое время, и мы совсем не так беззащитны! Народ прозрел и избрал себе достойных руководителей, настоящих патриотов.

«В общем-то, верно. Хотя и такое мы уже где-то слышали».

От высказываний вслух Редин, однако, воздержался.

Смит сделал глоток коньяка, но вкуса похоже не почувствовал. Он встал с кресла, подошел к окну и оттуда заговорил:

– Но нам всегда были чужды террористические методы борьбы. Никто не может упрекнуть Иран в поддержке терроризма! Не на словах, а на деле мы боремся с любыми его проявлениями. «Мировая ось зла» – это выдумка американцев. Единственное, главное зло – это они сами и их приспешники. Но ни у кого не получится поставить на колени народ, почувствовавший свою силу и правду!

Смит вернулся к столу с пустым бокалом в руке:

– Я думаю, Серж, вы не можете обвинить меня в искажении фактов или недостаточной откровенности. Вам уже сейчас будет о чем серьезно подумать. А в следующий раз мы вплотную подойдем к основной цели нашего сотрудничества. Желаю вам доброго отдыха и быстрейшего восстановления сил!

Глава 5

Юра явно поскромничал, когда говорил, что обрадовать нечем: карта прилегающих к Центру гор была очень точна, на ней были обозначены даже тропки древних контрабандистов и новейшие доработки последнего времени: наблюдательные посты, следящие камеры, ловушки. Молодец!

Еще через день пришло первое сообщение от внедренного во внутреннюю охрану Центра агента. Это уже было попадание в яблочко. На одном из инструктажей всем бойцам показали фотографии двух новых сотрудников. И хотя вживую их никто еще не видел, прилагаемое словесное описание не оставляло никаких сомнений: седые волосы, шрам на левой щеке, оттянутый вниз внешний уголок глаза, отчего лицо имело выражение мрачной настороженности, волевой упрямый подбородок, короткий прямой нос... Здорово, Серж! Все-таки удача на нашей стороне! Второй субъект был Гере не знаком, да и не очень пока интересовал.

Теперь процесс подготовки можно было форсировать. Со второй группой, следовавшей на Шираз, связаться не удалось, но Юра успокоил, что такое здесь довольно часто случается. Всему виной большой горный хребет, пересекающий страну с севера на юг.

Впереди было еще более двух суток, и Талеев нимало не встревожился. Он оставил короткие сообщения на явочных

точках.

Через своих агентов Юрий поднял на ноги всю сеть контрабандистов и разных криминальных торговцев: Гера дал ему внушительный список необходимой экипировки, оснащения и оружия. В нем были весьма специфичные вещи, достать которые законным путем в Иране было абсолютно невозможно.

Сам журналист с друзьями занялся скрупулезной разработкой плана нападения на Центр. Он не колебался ни секунды. «В Афганистане в свое время 16 человек из группы «Альфа» в считанные минуты взяли штурмом дворец Амина. Нас будет 5, зато каждый по подготовке как минимум четверых стоит. Так что у нас еще и превосходство! К тому же, способ действия у нас принципиально другой».

* * *

Группой из двух человек, которая высадилась в иранском порту Харк и должна была продвигаться на Шираз, командовала молодая девушка по имени Галя. Ее младенцем подобрали советские войска в горах недалеко от афганского города Герат близ афгано-иранской границы. Как она там одна оказалась, никто не знал. Ребенок умирал от жажды, истощения и пулевой раны в боку. В бреду девочка лепетала какое-то слово, похожее на гю-иль. Так она стала Гюльчатай, а в дальнейшем, по паспорту – Галиной Алексеевой, по фа-

милии командира спасшего ее отряда.

Спецназовцы нарушили правила: они не оставили девочку в первом же приемнике-распределителе на советской территории, а подлечив в полевом госпитале, привезли в Москву, где устроили в самый лучший детский дом. Гюльчатай никогда не чувствовала себя одинокой. Ее спасители регулярно посещали детдом, дарили игрушки и одежду, забирали по очереди на все выходные, праздники и каникулы. В общем, дочь полка.

Девочка выросла в статную черноокую и черноволосую красавицу с мраморно-белой кожей и неподражаемой грацией уроженки горных районов северного Афганистана. Немудрено, что имея такое покровительство, после получения юридического образования в Московском университете, она поступила в высшую школу КГБ.

Девушку всегда тянуло на родину. Чрезвычайно способная к языкам, она в короткий срок освоила в совершенстве несколько наречий не только Афганистана, но и Ирана. Даже успела побывать в Тегеране с разведывательным заданием. Ее физической подготовке мог позавидовать атлетически сложенный мужчина из ОМОНа.

В Команде она быстро стала всеобщей любимицей и полноправным бойцом.

Напарник Гали был специалистом в области электроники, компьютеров и связи, проходивший в свое время подготовку в частях спецназа и тайно привлеченный к операции из

одного отдаленного регионального Управления ФСБ. Звали его Севой, и он не сомневался, что работает сейчас в спецназе ГРУ.

Из Харка они без приключений попали в Шираз, прозондировали там почву на предмет подготовки или проведения каких-либо операций государственными спецслужбами. Не обнаружив никакой активизации деятельности в этом районе, направились, как было условлено, в сторону Бендер-Аббаса, города на берегу Ормузского пролива: там находились морские части иранских спецслужб.

Сначала Талеев был против привлечения Гюльчатай к работе. Иран – не та страна, где девушка могла свободно расхаживать одна по улице. Но Гале удалось убедить его, сославшись на отличное знание языков, свою восточную внешность и кое-какие послабления внутри страны в отношении соблюдения строгих законов шариата в последнее время.

И все-таки теперь на встречу со связником в городской сквер отправился Сева, а Галя с головой укрытая темным покрывалом, присела за столик вблизи от выходящего на этот сквер окна маленькой кофейни при женском магазине: такие теперь стали появляться во многих городах Ирана.

Вот Сева неторопливо догнал медленно идущего по тропинке чрезвычайно толстого иранца, и они двинулись дальше вместе, вполголоса о чем-то переговариваясь. Деревьев в сквере было мало, и Галя прекрасно видела обоих мужчин.

Но тут ее внимание привлекла темно-красная автомаши-

на, стоявшая на противоположной стороне сквера, метрах в 150. Мужчины на аллее приближались именно к ней. В какой-то момент три дверцы машины распахнулись, и на тротуар быстро выскочили несколько человек в черных костюмах. Потом произошло на первый взгляд непонятное: по короткой и негромкой команде одного из них остальные тут же скрылись обратно в машине за поднятыми, несмотря на жару, сильно тонированными стеклами. Теперь Галя заметила в руке отдавшего команду мобильный телефон. Цепочка событий в ее голове замкнулась.

В Бендер-Аббас они прибыли только что и наследить не успели. Также навряд ли их вели от Шираза: они несколько раз меняли транспорт и тщательно проверялись. Значит, агент-связник провален и играет на чужой стороне. Определенно, взять Севу хотели сразу же, но на толстяке явно был микрофон, позволявший людям в красной машине прослушивать разговор. В самый последний момент Севой было сказано что-то такое, что вынудило агентов изменить на ходу свой первоначальный план.

Варианты Галя просчитывала молниеносно. У возникшей ситуации возможны были три основных продолжения: взять сразу после окончания встречи, дождавшись, пока Сева весь выговорится; вести на «коротком поводке», чтобы определить место укрытия остальных членов группы; сделать поводок длинным, то есть отпустить на вольные хлеба, уверившись, что приезжие агенты будут постоянно контактировать

со связником. Последний путь предполагал долгую игру.

Надо быстро выбрать универсальный вариант ответа. Но кому звонил или кого слушал старший группы захвата? Галины глаза быстро обежали все видимое открытое пространство. Конечно, еще один или даже несколько наблюдателей могли спрятаться, где угодно, но шанс был.

Вот старичок на скамейке что-то проговорил в свой небольшой телефончик. Вообщем-то, даже в Иране мобильная связь уже не редкость, но плохо сообразуется с очень преклонным возрастом говорящего. И тут же вдоль тротуара медленно двинулся вперед красный лимузин. Несуразность плюс совпадение дают в итоге максимальную вероятность плановых действий.

Галя метнулась к выходу. Только бы еще не оказалось наблюдателя за руководителем! Ее тонкая черная накидка мгновенно перекочевала в рюкзачок за спиной, а на девушке оказались спортивные темные брюки, белые кроссовки и бесформенная фуфайка с какой-то надписью на груди. Волосы были коротко по-мальчишески подстрижены. Жаль, усов нет!

Из дверей магазинчика на улицу выскочил уже студент-первокурсник, готовый к пробежке, с доской для скейта под мышкой. Широкими беговыми шагами Гюльчатай в считанные секунды догнала поднявшегося со скамейки старичка, опиравшегося на палку и успевшего отойти не далее трех метров. Обняв его сзади за плечи, она склонилась голо-

вой к самому лицу. Со стороны могло показаться, что заботливый внук уговаривает любимого дедушку присесть на скамейку. И дедушка действительно согласился! Как-то очень по-стариковски, неуверенно, бочком, поддерживаемый внуком, он вернулся к своей скамейке, опустился на нее и, скрестив на коленях руки, задумчиво опустил голову на грудь. Внук чмокнул деда в щеку, прокричал что-то задорное и рванул дальше по дорожке сквера.

Из «дедушкиной» шеи сзади, прикрытая съехавшим париком, торчала короткая, не более 2–3 сантиметров, рукоятка длинной спицы. Удар был филигранно точным и сильным: перебив шейные позвонки, он обездвижил тело; пробив трахею и гортань, лишил способности издавать любые звуки, а проникнув еще дальше, предрешил наступление неминуемой смерти в течение 3–5 минут. Прощай, «дедушка»!

Двигаясь наперерез машине, Галя оказалась впереди нее метров на десять. Развернувшись и перехватив поудобнее тяжелый, обитый металлом скейт, она начала встречное движение. Резкий трехшаговый разбег завершился мощным прыжком вдоль капота машины прямо в лобовое стекло. Скейт выполнял роль тарана. Стекло не вылетело полностью, а мгновенно покрылось сетью мелких трещин и наполовину загнулось в салон со стороны водителя. В образовавшуюся дыру влетел и сам скейт, и осколочная граната с выдернутой чекой до этого зажатая в кулаке девушки. Сама Гюльчатай, перевернувшись через голову, оказалась на тротуаре

и следующим прыжком влетела в плотные кусты какой-то колючей зелени на газоне сквера. Тут же раздался взрыв. Вместе с оторванными дверцами и выбитыми стеклами из машины метнулись огненные факелы, которые быстро опали, явив немногочисленным очевидцам мгновенно обуглившийся остов автомобиля, продолжавший неторопливо катиться вперед.

Толстый связник и Сева на взрыв обернулись одновременно. Также быстро оба поняли что произошло и синхронно выхватили оружие. Толстяк оказался на удивление проворным и нажал курок за мгновение до того, как черный безбликовый нож Севы воткнулся ему между ребер, безошибочно отыскав сердце.

Шума выстрела никто не услышал. Приходящие в себя люди без излишней торопливости приближались к автомобилю. Истошно закричали несколько раненных осколками прохожих. Из встречной машины, врезавшейся в фонарный столб, тоже с воплями и стонами выбирались шофер и пассажир.

Галя, никем не замеченная, метнулась к двум опустившимся на тротуар телам. Сева был в сознании. Он зажимал ладонью рану в левом боку. Галя попыталась подхватить его под руки и помочь подняться, но Всеволод отрицательно замотал головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.